

18

№ 100.
А 4.
440.

РУССКІЕ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ

ВЪ 1878 ГОДУ.

СЪ ПЛАНОМЪ ГОРОДА И ЧЕРТЕЖОМЪ ПАМЯТНИКА.

Генералъ-маіора

С. ДУХОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1878.

1 л. съ планомъ и чертежомъ.

РУССКІЕ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ

въ 1878 году.

Съ планомъ города и чертежомъ памятника.

Дополнено изданием от 2-го декабря 1878 года.

Генераль-маіора

С. ДУХОВСКАГО.

(Изъ журнала «Военный Сборникъ»).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. А. Полетики (Литейная, № 42.)

1878.

РАССКІЕ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ

ВЪ 1878 ГОДА.

СЪ ПЕЧАТНОМЪ КОЛОДЪ И РАДЪЖНОМЪ ПЕЧАТНИЦЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 2-го декабря 1878 года.

Печать-машина

С. ДАХОВСКИЙ

(Изъ журнала «Восточный Сборникъ»)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. А. Полякина (Литейная, № 12).

1878

РУССКІЕ ВЪ ЭРЗЕРУМЪ

въ 1878 году (1).

I.

Занятіе города и крѣпости Эрзерума.

31-го января въ Хныссь-кала я получилъ приказаніе сдать генералъ-маіору Лорисъ-Меликову отрядъ, которымъ командовалъ, и экстренно отправиться въ Гассанъ-кала, по случаю назначенія меня предсѣдателемъ демаркаціонной комисіи, въ составъ которой были назначены: адъютантъ

(1) Статья эта получена при слѣдующемъ письмѣ:

«Подъ конецъ кампаніи 1878 года въ Азіатской Турціи, на меня выпало порученіе, имѣющее нѣкоторый интересъ: мнѣ пришлось быть предсѣдателемъ демаркаціонной комисіи, которая, совместно съ турецкою комисіею, опредѣляла подробности условій перемирія и направленіе демаркаціонной линіи между воюющими сторонами на азіатскомъ театрѣ войны, а также принимала отъ отоманскихъ властей городъ и крѣпость Эрзерумъ. Вслѣдъ затѣмъ я былъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Эрзерумской области и оставался въ этой должноти во все время русскаго занятія края, возвративъ туркамъ столицу Арменіи съ окрестною страной лишь послѣ окончательнаго вступленія русскихъ, согласно постановленій берлинскаго трактата, въ Батумъ.

«Русскіе были въ Эрзерумъ во второй разъ. Первое вступленіе было въ 1829 году, подъ начальствомъ генерала графа Паскевича. Съ тѣхъ поръ прошло почти столѣтіе. Весьма жаль, что военно-историческіе матеріалы наши, относящіеся до этого событія, крайне скудны; да и устное преданіе о немъ среди мѣстнаго населенія, ко времени нашего вступленія, какъ оказалось, едва доживало.

«Наше послѣднее пребываніе въ Эрзерумъ было сопряжено съ большими трудностями для русскихъ людей, доходившими, во время наибольшаго развитія тифозной эпидеміи, до размѣровъ поразительныхъ. Конечно, этимъ объясняется то, что среди войскъ и управленій, во все время одиннадцатимѣсячнаго нахожденія нашихъ войскъ около Эрзерума, почти не было корреспондентовъ, и обстоятельства, сопровождавшія занятіе его, остаются малоизвѣстными. Между тѣмъ повидимому, многое при этомъ заслуживаетъ вниманія.

«Не имѣя возможности заняться подробнымъ описаніемъ вступленія русскихъ въ Эрзерумъ, пребыванія въ ономъ и возвращенія его туркамъ, посылаю при семъ въ редакцію «Военнаго Сборника» замѣтки мои, вошедшія почти дословно и въ донесенія, представленныя мною своевременно ближайшему начальству.

С. Духовской.

Тифлисъ, 7-го октября 1878 г.

Его Высочества главнокомандующаго, гвардіи полковникъ Толстой, артилеріи подполковникъ князь Тархановъ и дѣлопроизводителемъ статскій совѣтникъ Обермиллеръ. 1-го февраля я выѣхалъ изъ Хнысса и 3-го прибылъ въ Гассанъ-кала. Здѣсь уже находилась, нѣсколько дней выѣхавшая изъ Эрзерума, турецкая комісія: предсѣдатель Мири-Лива-Гусейнъ-Авни-паша и члены: генеральнаго штаба бинъ-баши Даніэль-Саибъ-бей, адъютантъ начальника штаба анатолійской арміи Юзь-баши-Ахмедъ-Хавби-бей и дѣлопроизводитель Хильми-эфенди. Комісія обязана была войти въ ближайшія обсужденія подробныхъ условій перемирія, проведенія демаркаціонныхъ линій и порядка очищенія и сдачи намъ города и крѣпости Эрзерума; причемъ, впредь до окончательнаго водворенія нашихъ войскъ въ этомъ городѣ, на меня возложена обязанность временнаго эрзерумскаго коменданта.

Дѣйствуя по точному смыслу Высочайше преподанныхъ основаній и порядка, комісії вмѣнено въ обязанность включить какъ послѣдній пунктъ условій, на которыхъ можетъ быть допущено перемиріе, слѣдующія требованія:

1) Немедленное очищеніе Эрзерума турецкими войсками и занятіе его нашими.

2) Удаленіе находящихся въ Эрзерумѣ войскъ за линію Байбуртъ-Машахатунъ, съ правомъ расположиться въ этихъ двухъ пунктахъ.

3) Очищеніе турками Цихидзирской позиціи и Батума, съ выводомъ войскъ изъ Кабулета, Верхней и Нижней Аджаріи, Шавшета и Лазистана, до предѣловъ, обозначенныхъ на картѣ.

4) Очищеніе отъ турецкихъ войскъ всего пространства Баязетскаго санджака и Ванскаго, до паралели города Вана.

5) Сохраненіе за войсками нашими права пребыванія въ пунктахъ, ими занятыхъ, и передвиженія въ предѣлахъ занятой территоріи.

Немедленный отѣздъ обѣихъ комісій въ Эрзерумъ признавался необходимымъ, потому что турецкіе уполномоченные, какъ оказалось при первоначальныхъ переговорахъ, не рѣшались почти ни на что безъ предварительнаго запроса мюшира Измаила-паши или его начальника штаба, ферика Мусы-паши (Кундухова).

4-го же февраля обѣ комісіи оставили Гассанъ-кала. Такъ какъ путь черезъ Деве-бойну, занесенный громадными снѣгами, былъ совершенно закрытъ, то комісіи направились по нашему кружному блокадному коммуникаціонному пути черезъ сел. Верхній-туй, Чобанъ-дагскій горный хребетъ, на селеніе Кечкъ, Тафта, Гинцкъ и Цитавокъ. Здѣсь, въ пунктѣ квартированія штаба 40-й пѣхотной дивизіи, комісіи заночевали; дорога, особенно черезъ Чобанъ-дагъ, по глубокимъ снѣгамъ, на высотѣ

около 9,000 футовъ, была такъ испорчена отъ постоянно двигавшихся войсковыхъ обозовъ, что даже верховая ѣзда по ней весьма замедлялась.

5-го февраля, рано утромъ, переѣхавъ прямою тропою по замерзшимъ болотамъ верховаго Евфрата (Кара-су), комисіи черезъ селеніе Совукъ-Чермукъ приблизились къ Эрзеруму, откуда на встрѣчу выѣхали посланные Измаиломъ-пашою офицеры. На всѣхъ фронтахъ Эрзерумской крѣпости, въ томъ числѣ и на фронтѣ Кавака, черезъ который намъ пришлось вступить въ городъ, стояли тѣсными лагерями массы турецкихъ войскъ. Остроконечныя круглыя палатки ихъ почти почернѣли отъ постоянной топки въ наскоро сложенныхъ изъ камня печахъ. На валахъ еще стояли въ порядкѣ орудія большихъ калибровъ.

Турецкіе солдаты около укрѣпленій и толпы народа на улицахъ съ любопытствомъ смотрѣли на нашъ въѣздъ. По первому впечатлѣнію въ этотъ ясный и морозный день, видъ довольно чистыхъ улицъ, многочисленныхъ открытыхъ лавокъ и здороваго населенія, меня удивилъ, такъ какъ все это, послѣ продолжительной блокады, могло быть только въ городѣ, заключающемъ въ себѣ весьма обильныя жизненныя средства.

Около полудня Гусейнъ-паша ввелъ членовъ русской комисіи въ домъ, нарочно для насъ приготовленный, причемъ я объявилъ ему, что мы сейчасъ же отправимся къ муширу Измаилу-пашѣ. Послѣдній принялъ насъ весьма любезно; но ясно видно было, что онъ упалъ духомъ и что порученіе сдать городъ русскимъ было для него, бывшаго долго здѣшнимъ генералъ-губернаторомъ и любящаго Эрзерумъ какъ свое дѣтище, тяжелымъ удѣломъ. У мушира мы встрѣтили начальника штаба Мусу-пашу и всѣхъ турецкихъ членовъ комисіи. Видя тяжелое состояніе мушира, я относительно даннаго мнѣ порученія упомянулъ ему только то, что буду переговариваться съ Гусейнъ-Авни-пашою, а если нужно, съ Муса-пашою, которые, конечно, получили отъ него всѣ должныя инструкции.

Въ этотъ день въ нашей квартирѣ былъ приготовленъ намъ, по распоряженію мушира, турецкій обѣдъ.

Послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ Муса-паша. Отъ имени мушира онъ просилъ: 1) отсрочить семидневный срокъ очищенія города сколь возможно долѣе и 2) устроить такъ, чтобы русскія войска вступили въ городъ послѣ выѣзда самого мушира и его штаба. На первое я рѣшительно отказалъ и впослѣдствіи узналъ, что приказаніе изъ Константинополя о сдачѣ русскимъ Эрзерума муширъ получилъ совершенно для него неожиданно, что онъ три раза по телеграфу возражалъ противъ сдачи, ссылаясь на вполне свѣжее и обезпеченное состояніе крѣ-

пости и что въ отвѣтъ, на третье его заявленіе, ему, именемъ султана, объявлено, что дальнѣйшее неисполненіе повелѣнія сочтется измѣною.

Между тѣмъ, въ эти дни турки стали уже приготовляться къ вывозу артилеріи и военныхъ припасовъ, что и увеличило собою назначенный для очищенія Эрзерума семидневный срокъ. Но все-таки изъ Эрзерума, изъ этого главнаго гнѣзда всѣхъ военныхъ учрежденій турецкихъ въ Анатолиі, при суровой зимней непогодѣ, выбраться цѣлой арміи со всѣми многочисленными ея учрежденіями въ нѣсколько дней было слишкомъ затруднительно.

Относительно второй просьбы мушира я заявилъ, что не могу оставить крѣпость ни часа безъ достаточнаго числа войскъ, и признаю необходимымъ ввести въ форты Топъ-дага русскія войска не позже утра 9-го февраля; но что муширь, если ему угодно, можетъ выѣхать днемъ ранѣе. Я потребовалъ прежде всего немедленнаго составленія вѣдомости порядка выступленія турецкихъ войскъ изъ Эрзерума, съ тѣмъ, чтобы къ вечеру 19-го числа здѣсь не оставалось ни одной роты. Мы условились, чтобы для наблюденія за благополучнымъ прослѣдованіемъ турецкихъ войскъ чрезъ районъ нашего военнаго занятія, были назначены депутаты съ русской и турецкой сторонъ, которые будутъ находиться въ сел. Илиджѣ; съ нашей стороны назначенъ командиръ бригады, занимавшей блокадную линію со стороны Илиджи, генераль-маіоръ Цитовичъ, а съ турецкой—маіоръ Хаджи-Халидъ-ага. Блокаду города я нашелъ нужнымъ продолжать со всею строгостью до выхода изъ Эрзерума всѣхъ турецкихъ войскъ, о чемъ и донесъ тотчасъ командующему корпусомъ. Муса паша заявилъ, что въ Эрзерумѣ мы найдемъ весьма большіе склады разнаго рода продовольственныхъ продуктовъ, которые, за невозможностію вывоза въ теперешнее время года, мы можемъ приобрѣсти; что турки оставляютъ на наше попеченіе значительное количество больныхъ, съ полнымъ персоналомъ медиковъ и прислуги, и что съ завтрашняго же утра ко мнѣ будутъ являться всѣ тѣ начальствующіе лица, которыхъ я выразилъ желанія видѣть, для отдачи имъ непосредственно приказаній. Для удобствъ сношеній моихъ съ командующимъ корпусомъ въ Гассанъ-кала, на эрзерумской телеграфной станціи водворенъ пріѣхавшій со мною офицеръ нашего военно-телеграфнаго парка (поручикъ Калишевскій); дѣйствіе шло по проволоку, на скоро протянутой отъ города къ селенію Цытавокъ, гдѣ проходила наша военная линія, вдоль всего блокаднаго расположенія войскъ.

Слѣдующій день 6-го февраля члены обѣихъ комисій, собравшись съ утра, посвящали разработкѣ условій перемирія и порядка очищенія

города, а также подробному ознакомленію съ положеніемъ дѣлъ въ Эрзерумѣ, чрезъ личные доклады являвшихся турецкихъ чиновниковъ.

Прежде всего была составлена вѣдомость начатаго уже съ 5-го февраля выступленія турецкихъ войскъ. Пришлось ежедневно отправлять значительные эшелоны, не смотря на крайнее неудобство этого, особенно на ночлегахъ, при неимѣніи по пути большихъ селеній и при зимнемъ времени года.

7-го февраля подписанъ членами обѣихъ комисій актъ объ условіяхъ перемирія ⁽¹⁾, а 8-го февраля, о сдачѣ намъ Эрзерума. Черезъ сел. Илиджа, гдѣ стояли наши войска, турки должны были проходить

(1) Редакція этого акта заключалась въ слѣдующемъ:

1) Каждая изъ договаривающихся сторонъ остается полнымъ хозяиномъ, какъ въ военномъ, такъ и въ административномъ отношеніяхъ, того района, который ей определенъ демаркаціонными линіями, идущими чрезъ пункты и по направленіямъ, какъ поименовано въ особомъ при семъ приложеніи и нанесено на картѣ. На нейтральной полосѣ между демаркаціонными линіями обѣихъ сторонъ не должно находиться ни одного вооруженнаго человѣка ни той, ни другой стороны; мѣстные же управленія населеніемъ остаются на ней какія есть. 2) Со дня полученія извѣстія о заключеніи перемирія, то есть съ 22-го января сего года, военныя дѣйствія прекращаются, о чемъ уже сдѣланы своевременно распоряженія по войскамъ обѣихъ сторонъ, которыхъ перемиріе застало за предѣлами демаркаціонной линіи и въ нейтральной полосѣ; войска должны въ трехдневный срокъ послѣ полученія о томъ приказанія отойти въ предѣлы своей демаркаціонной линіи, уплативъ при этомъ населенію за все забранные отъ него продукты. Упомянутыя приказанія должны быть посланы немедленно по подписаніи настоящаго акта уполномоченными. 3) Во все время перемирія войска сохраняютъ за собою право пребыванія и передвиженія въ предѣлахъ территоріи, ограниченной для каждой стороны своею демаркаціонною линіею. Лица гражданской администраціи, оставаясь въ районахъ обѣихъ сторонъ на своихъ мѣстахъ, продолжаютъ исполнять свои обязанности тѣмъ же порядкомъ, какъ было до перемирія, подчиняясь высшимъ властямъ соотвѣтствующей стороны. 4) Перемиріе заключено впредь до окончательнаго мира. Поэтому, если миръ не состоится, то ни одна изъ сторонъ не имѣетъ права перейти свою демаркаціонную линію ранѣе семи дней послѣ увѣдомленія о томъ противника или полученія отъ него увѣдомленія. 5) Демаркаціонныя линіи—суть линіи временныя и имѣютъ силу только во время перемирія. 6) Мѣстные жители могутъ быть выпускаемы и выпускаемы чрезъ демаркаціонную линію лишь съ письменнымъ разрѣшеніемъ мѣстныхъ властей соотвѣтствующей стороны (чья демаркаціонная линія). 7) Если одна изъ договаривающихся сторонъ пожелаетъ пріобрѣтать покупкою продукты отъ жителей нейтральной полосы, то въ эту полосу запрещается вводить команды, и допускается лишь посылка отдѣльныхъ людей безъ оружія. Для вывоза купленнаго не вводить въ нейтральную полосу войсковыхъ перевозочныхъ средствъ, а доставлять купленные продукты средствами мѣстныхъ жителей. 8) Въ случаѣ совершенія жителями нейтральной полосы преступленій, могущихъ отозваться на спокойствіи окрестнаго населенія, съ виновными поступаетъ по взаимному согласію обѣихъ сторонъ; бѣглыхъ преступниковъ каждая изъ сторонъ обязана выдать немедленно по требованію другой стороны. 9) Соглашеніе относительно Эрзерума послѣдуетъ особо.

безостановочно, чтобы въ этомъ пунктѣ между русскими и турецкими солдатами не могло случиться столкновенія. Нѣкоторые турецкіе баталіоны и батареи выступали въ довольно стройномъ порядкѣ; но на всѣхъ весьма рѣзко отражались невыгоды ихъ легкаго обмундированія для суровой зимы. Какъ ни кутались турецкіе солдаты, все-таки послѣ прохода войскъ по пути находили трупы замершихъ и брошенныхъ людей. При большомъ недостаткѣ перевозочныхъ средствъ въ турецкой арміи и совершенномъ неимѣніи полковыхъ обозовъ, они должны были оставить въ Эрзерумѣ даже необходимѣйшіе предметы своего рстнаго и баталіоннаго хозяйства, которые впрочемъ имъ разрѣшено вывозить и послѣ истеченія семидневнаго срока. Особенно затруднителенъ былъ вывозъ орудій, стоявшихъ на валахъ крѣпости.

Надо было удивляться дѣятельности гарнизона для скорѣйшаго вывоза орудій. Сотни людей, помощью веревокъ, стаскивали громадной тяжести орудія съ фортовъ Топъ-дага и Кереметли въ городъ, и ко времени вступленія русскихъ войскъ со всѣхъ фортовъ и валовъ вооруженіе было снято. Изъ 320 орудій, составлявшихъ вооруженіе Эрзерума, турки успѣли вывезти 155, а 165 орудій, изъ коихъ около половины арѣзные, заряжающіяся съ казны, отличнаго качества, оставлены. Многія изъ нихъ ко времени окончанія семидневнаго срока были уже подвезены къ Трапезондскимъ воротамъ на походныхъ гнѣздахъ, совсѣмъ готовыя къ дальнѣйшему слѣдованію. Десятка два орудій остались снятыми съ лафетовъ, на землѣ, возлѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли на вооруженіи. Видно было, что турки всемѣрно старались, если не успѣютъ вывести всю артилерію, то по крайней мѣрѣ не дать намъ возможности, въ случаѣ внезапнаго разрыва, воспользоваться ни однимъ орудіемъ. Замѣтивъ, что много замковъ оставленныхъ орудій увезены, я временно заарестовалъ часть вывезенныхъ орудій въ сел. Гѣзъ, пока всѣ замки оставленныхъ въ Эрзерумѣ орудій не были возвращены.

Пороховые погреба, какъ большіе, такъ и расхожіе подъ валами крѣпости, почти какъ были, такъ и остались наполненными массами патроновъ, зарядовъ, снарядовъ и пороха въ боченкахъ. Значительные склады ружей и разныхъ другихъ предметовъ также остались въ нашихъ рукахъ; изъ этихъ предметовъ вывезено очень мало. Условлено, чтобы всѣ оставшіеся склады постепенно принимались нашими властями, съ составленіемъ описей въ двухъ экземплярахъ, одной для турокъ, другой для русскихъ. Всѣ они находились въ большомъ безпорядкѣ. Никто не могъ сказать, гдѣ сколько чего имѣется. Много снаряженныхъ снарядовъ было разбросано около мѣстъ, гдѣ стояли орудія; точъ въ точъ какъ послѣ взятія крѣпости штурмомъ.

Выведенныя изъ Эрзерума войска туркамъ оставалось на зиму размѣстить, конечно за чертою демаркаціонной линіи, на полномъ довольствіи отъ жителей. Вывезенныя орудія, по невозможности, при тогдашнемъ состояніи дорогъ и глубокихъ снѣгахъ, ни на шагъ свернуть съ большой дороги и при запусеніи шоссе на Копъ-дагскомъ перевалѣ, пришлось, и то съ большими трудами, собрать въ одно мѣсто (у сел. Парнакапанъ), гдѣ они были навалены одно на другое до весны.

Согласно съ заключенными въ Адрианополѣ условіями перемирія, все оставляемое въ Эрзерумѣ турецкое казенное имущество должно быть сохранено нами въ цѣлости для возвращенія по заключеніи окончательнаго мира; въ случаѣ же возобновленія войны, переходить въ нашу собственность. Для избѣжанія недоразумѣній при обратной сдачѣ сего имущества, обстоятельная пріемка его требовала много времени. Турецкіе офицеры и солдаты, которымъ разрѣшено оставаться при складахъ, немедленно приступили къ приведенію оныхъ въ порядокъ: стали свозить орудія въ указанныя мѣста, сносить снаряды, особенно снаряженные, и заряды въ пороховые погреба, пересчитывать и укладывать въ складахъ въ порядокъ все прочее имущество. Больше всего оставлено крѣпостныхъ артиллеристовъ: около 20 офицеровъ и 450 нижнихъ чиновъ; они помѣстились въ цитатели, гдѣ находилась значительная часть артилерійскаго имущества. Офицеры и солдаты, оставленные при разныхъ войсковыхъ складахъ, помѣщены тамъ же, гдѣ были склады. Весьма трудно было привести въ ясность число сихъ послѣднихъ, потому что, при выступленіи турецкихъ войскъ, изъ многихъ частей офицеры и солдаты, уроженцы гор. Эрзерума, остались здѣсь самовольно. Начальникомъ всѣхъ солдатъ и командъ назначенъ миралай (полковникъ) Хакки-бей. Число оставленныхъ офицеровъ и людей въ скоромъ времени начало уменьшаться; всѣ они подчинены были русскому коменданту, снабженному относительно наблюденія за ними особою инструкціею.

На основаніи тѣхъ же условій адрианопольскаго перемирія, всѣ подверженные порчѣ продовольственные припасы турецкое правительство могло продать кому угодно или уступить намъ по взаимному соглашенію. Турки предпочли послѣднее. Повѣреннымъ относительно продажи намъ казенныхъ продовольственныхъ припасовъ муширь Измаиль-паша назначилъ одного изъ мѣстныхъ жителей, Али-Эфенди Арабъ-Заде, бывшаго члена главнаго вилаятскаго совѣта. Арабъ-Заде заявилъ, что намъ могутъ быть уступлены около 27,000 четвертей пшеницы, около 10,700 пудовъ галетовъ (сухарей), 3,000 четвертей ячменя, 4,000 окъ масла, 7,000 окъ соли, около 7,500 пудовъ саману и разные

другіе продукты. Готовой муки не оказалось вовсе; но около города имѣлось до 35 работающихъ мельницъ; сѣна казеннаго имѣлось не много въ окрестныхъ селеніяхъ. Все это, по приказанію командующаго корпусомъ, запрещено продавать на сторону и постепенно стало поступать въ нашъ интендантскій складъ. Цѣны турецкое правительство назначило довольно высокія, такъ, напримѣръ, самара пшеницы (три четверти) 50 р.; но все-таки цѣны эти оказались для насъ весьма выгодными, по сравненію съ тѣмъ, во что обходились намъ продукты въ послѣднее время. Занятый нами край былъ уже совершенно разоренъ, а дальняя подвозка изъ Закавказья, по невозможнымъ горнымъ дорогамъ, при безпрестанныхъ метеляхъ и сильныхъ морозахъ черезъ перевалы свыше 9,000 футовъ, была до того затруднительна, что, напримѣръ, четверть ячменя, съ доставкою въ Гассанъ-кала, обходилась до 36 рублей. Во всякомъ случаѣ, приобрѣтеніе найденныхъ въ Эрзерумѣ турецкихъ продовольственныхъ запасовъ оказалось для насъ дѣломъ весьма большой важности: оно сразу упростило и удешевило продовольствіе войскъ, устранило тотъ недостатокъ, который служилъ главнѣйшею причиною труднаго положенія нашихъ блокадныхъ войскъ и сильной между ними болѣзненности.

По заявленію старшаго турецкаго врача миралая Измаила-бея, всѣхъ турецкихъ больныхъ, не могшихъ слѣдовать съ войсками, было около 4,600 человекъ. Они были размѣщены въ 26 пунктахъ: въ центральномъ постоянномъ госпиталѣ, въ шести казармахъ, обращенныхъ въ госпитали, и въ 19 наиболѣе просторныхъ частныхъ домахъ. Почти всѣ эти помѣщенія были набиты биткомъ; только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ былъ видѣнъ порядокъ, а въ двухъ главныхъ помѣщеніяхъ больные имѣли даже всѣ необходимыя удобства. При всѣхъ больныхъ состояло 31 медиковъ и хирурговъ, не считая аптекарей, ихъ помощниковъ и прислуги, по расчету одинъ на 4—5 больныхъ. Въ этихъ отношеніяхъ, равно и въ медикаментахъ было, можно сказать, изобиліе. Около половины медицинскихъ чиновъ были европейцы: австрійцы, датчане, норвежцы, пруссаки, итальянцы, греки и другихъ націй. Весьма выдавались изъ прочихъ лечебныхъ заведеній два лазарета англійскаго общества краснаго полумѣсяца, щедро снабженные англійскими пожертвованіями; ими завѣдывали четыре весьма усердныхъ англійскихъ молодыхъ доктора, которые, какъ и всѣ прочіе медицинскіе чины, носили фески и имѣли на лѣвомъ рукавѣ бѣлую повязку и красный полумѣсяцъ. Лазаретную прислугу составляли выдояравливающіе нижніе чины, а часть ея—наемные мѣстные жители. Меня весьма удивило то, что изъ всей массы больныхъ, собственно ти-

фозныхъ было не болѣе 150 человѣкъ, въ то время, когда среди нашихъ войскъ и даже жителей селеній Эрзерумской равнины свирѣпствовалъ страшно эпидемическій тифъ. Оказалось, что въ Эрзерумѣ тифозная эпидемія, начавшись въ концѣ ноября, достигала наибольшихъ размѣровъ въ декабрѣ и январѣ, когда умирало въ день до 300 человѣкъ, и разомъ прекратилась во второй половинѣ января. Главнымъ бичомъ блокированной турецкой арміи были отмораживанія. Не проходило ночи, чтобы съ аванпостовъ не приносили десятка помороженныхъ солдатъ и даже совсѣмъ замерзшіе трупы. Не далѣе какъ за три дня до моего въѣзда въ Эрзерумъ, по какимъ-то свѣдѣніямъ лазутчиковъ, турки, не смотря на перемиріе, всю ночь ждали штурма, и такъ какъ было до 25° морозу, то на утро лазареты получили, кажется, до 300 чел. новыхъ больныхъ. Большинство отмороженныхъ солдатъ были ампутированы; неизменно тяжелый запахъ стоялъ въ покаяхъ, гдѣ лежали люди съ отрѣзанными ногами и руками. Послѣ отмораживанія наибольшее число было диссентериковъ. Вообще, съ октября до апрѣля турецкая армія похоронила въ городѣ Эрзерумѣ около 12,000 людей; но ко дню нашего прибытія ежедневно умирало 50—90 человѣкъ, преимущественно изъ ампутированныхъ. Въ мерзлой землѣ они зарывались не глубже 2—2½ футовъ; огромныя кладбища вызывали серьезныя опасенія на весну. Англіійскія общества браснаго полумѣсяца сначала обильно снабжали нуждающихся теплыми чулками, фуфайками, сапогами; но замѣтивъ, что большая часть сихъ предметовъ, какъ сообщили мнѣ лично англійскіе врачи, на другой же день продавались на базарѣ за ничтожную цѣну, благотворительная выдача эта была значительно сокращена. Неполучавшіе отъ своего правительства болѣе года жалованья и весьма нуждавшіеся въ деньгахъ, турецкіе солдаты предпочитали оставаться въ своей, приспособленной къ жаркому климату, легкой одеждѣ, лишь бы получить нѣсколько піастровъ.

Вскорѣ по занятіи нами Эрзерума, число турецкихъ больныхъ стало уменьшаться, такъ что въ апрѣлѣ всѣ частныя дома уже освободились. Выздоровливающіе постоянно собирались въ команду, изъ которой ежедневно выступала партія по пути къ Мамахатуну. Соответственно уменьшалось и число медицинскихъ чиновъ, которыхъ, впрочемъ, не мало пало жертвою своихъ обязанностей, въ томъ числѣ нѣсколько европейцевъ. Содержаніе турецкихъ лечебныхъ заведеній оставалось всецѣло на изживеніи турецкаго правительства; наше медицинское начальство и особенно назначенныя лица наблюдали лишь за тѣмъ, чтобы все необходимое во время исполнялось. Замѣтивъ, что не рѣдко выпи-сываются изъ лазаретовъ люди далеко не совсѣмъ оправившіеся отъ

болѣзни и что иногда безъ особой нужды трудно больные, съ ущербомъ для здоровья, переносятся изъ одного помѣщенія въ другое, наше начальство неоднократно указывало турецкимъ врачамъ объ устраненіи сихъ неудобствъ.

Одною изъ главнѣйшихъ тягостей въ Эрзерумѣ во время блокады былъ недостатокъ въ топливѣ. Городъ запасается на зиму дровами, привозимыми съ Соганлуга, и кизякомъ въ пропорціи по количеству населенія; казенныхъ заготовленій для войскъ не было сдѣлано. Много домовъ уже было разобрано для топлива; но такъ какъ всѣ дома здѣсь изъ камня, то балокъ, половъ и бревенъ, обыкновенно прокладываемыхъ здѣсь въ стѣнахъ между камнями (противу дѣйствій землетрясеній), оказывалось очень недостаточно. Пришлось безжалостно рубить деревья, составлявшія украшеніе города, коихъ теперь, сравнительно съ тѣмъ что было, осталось очень мало.

По первоначальному условію, при занятіи нами Эрзерума всѣ турецкіе чины городского управленія должны были, оставаясь на своихъ мѣстахъ, продолжать по прежнему исполнять свои обязанности, съ тѣмъ только, чтобы съ утра 10-го февраля они подчинялись высшимъ русскимъ властямъ. Но по настоянію ферики Мусы-паши, члены турецкой комисіи требовали, чтобы все содержаніе сихъ чиновъ отпускалось изъ турецкой казны, даже не съ расчетомъ впослѣдствіи между правительствами, а съ поставленіемъ чиновъ городского управленія въ непрестанныя непосредственныя сношенія съ удаляющимися въ глубь Анатоліи турецкими войсками, и слѣдовательно съ постановленіемъ этихъ чиновъ въ ихъ полную зависимость. Турки объясняли желаніе свое сохранить въ Эрзерумѣ турецкую жизнь и живую связь съ отоманскимъ правительствомъ тѣмъ, что Эрзерумъ не взятъ нами въ бою, а лишь обреченъ на временное занятіе въ видѣ залога. Члены русской комисіи не допускали и мысли о возможности двойственной зависимости городского управленія одновременно отъ администраціи двухъ государствъ, считали что всѣ расходы на нихъ должны идти исключительно изъ источника русскаго, и если съ возмѣщеніемъ на счетъ Турціи, то не иначе, какъ по расчету впослѣдствіи между правительствами. Такъ какъ вопросъ объ источникѣ расходовъ, о которыхъ говорится, важенъ и въ отношеніи нравственной прочности нашей въ Эрзерумѣ и въ отношеніи матеріальномъ, для лицъ, коихъ онъ касается, то я счелъ своею обязанностью, оставивъ его, дабы не задерживать составленія акта о прочихъ порядкахъ сдачи намъ Эрзерума, открытымъ, тотчасъ же донести о томъ командующему корпусомъ. Спустя нѣсколько времени послѣ вступленія нашего въ Эрзерумъ, муширъ

Измаилъ-паша получилъ указаніе изъ Константинополя о томъ, что содержаніе городскимъ эрзерумскимъ чинамъ должно производиться изъ русскаго источника, но что при этомъ приличнѣе было бы всѣхъ состоящихъ на службѣ турецкихъ чиновниковъ удалить изъ Эрзерума со-всѣмъ. Муширъ далъ приказаніе всѣмъ своимъ чиновникамъ выѣхать въ Эрзингянъ, съ печатами, текущими дѣлами и архивами, и вслѣдствіе этого приказанія началась эмиграція отсюда турецкихъ чиновниковъ. Какъ извѣстно, Эрзерумъ былъ центромъ управленій обширнаго вилаята (генералъ-губернаторства); здѣсь, кромѣ собственно городскихъ и губернскихъ учреждений, было много высшихъ присутственныхъ мѣстъ, административныхъ, судебныхъ, коммерческихъ, управленіе духовными имѣніями, финансовое, таможенное. Число служащихъ въ нихъ чиновниковъ съ секретарями и писцами (кятибами) было нѣсколько сотъ. Все это двинулось въ Эрзингянъ, везя съ собою на арбахъ мѣшки съ бумагами. Въ Эрзерумѣ осталась лишь городская дума, изъ предсѣдателя и членовъ (изъ мѣстныхъ жителей), которыхъ мы не перемѣняли, назначивъ имъ наши оклады. Въмѣсто выступившаго отсюда полка запѣтовъ (жандармовъ) учредили свое полицейское управленіе, съ раздѣленіемъ города на шесть частей и 60 кварталовъ; учредили свою полицейскую стражу, въ которую стали принимать безъ различія лицъ всѣхъ національностей. Поступившіе въ эту стражу мѣстные армяне и греки были особенно довольны возможностью, послѣ бывшаго прини-женнаго передъ турками положенія, играть роль; тотчасъ опоясались саблями и важно и весьма усердно принялись за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей. Надъ домомъ, гдѣ водворились городскія и частныя полицейскія управленія, водружены особые флаги. Порядокъ въ городѣ не прерывался ни на минуту; мусульмане смотрѣли на все совершающееся съ видимою скорбію и недружелюбіемъ.

7-го числа, въ 7^{1/2} часовъ вечера, всѣ члены русской комисіи были приглашены къ муширу на большой обѣдъ, въ его помѣщеніе. Надо отдать справедливость честному турку старику Измаилу-пашѣ, что онъ невыразимо тяжелое свое положеніе переносилъ съ достоинствомъ и благородствомъ. Большая часть багажа мушира уже была вывезена; тѣмъ не менѣе столъ, человекъ на 30, былъ сервированъ весьма прилично, и видно было, что хозяева всемѣрно старались оказать намъ посильное вниманіе. Возлѣ столовой игралъ послѣдній оставшійся въ Эрзерумѣ хоръ военной музыки. Всѣ члены турецкой комисіи, чины штаба аналійской арміи, многіе пашы и представители эрзерумскаго населенія были въ числѣ приглашенныхъ. Первый тостъ, разумѣется, былъ въ честь Государя Императора и султана, съ пожеланіемъ, чтобы скорѣе

перемиріе перешло въ прочный миръ. Не смотря на сильно морозную ночь, толпы народа окружали домъ. Самъ муширъ, однако, пробывъ съ нами болѣе получаса до обѣда при закускѣ, довелъ меня до моего мѣста за столомъ и попросилъ позвоженія пойти въ свои покои: «Я со всѣмъ болѣнъ», сказалъ онъ, «вы понимаете, вы видите мое состояніе?» Мнѣ говорили потомъ, что онъ все время обѣда молился.

На другой день, 8-го февраля, около двухъ часовъ по полудни, муширъ выѣхалъ въ саняхъ, запряженныхъ парю видныхъ лошадей въ шорахъ, вмѣстѣ со своимъ начальникомъ штаба ферикомъ Муса-нашою. Актъ о демаркаціонной линіи у насъ еще не былъ подписанъ. Видя что Гусейнъ-Авни-паша не дѣлаетъ шагу, не спрося Мусы, я просилъ мушира оставить здѣсь начальника штаба на день или два. «Вы видите» отвѣчалъ онъ, «какъ я старъ и убитъ горемъ, пожалѣйте меня, я не могу шагу сдѣлать теперь безъ него». Мушира до селенія Гёзъ, гдѣ онъ переночевалъ, провожала большая свита изъ мѣстныхъ почетныхъ жителей, особенно мусульманъ, верхами, Трогатемень вообще былъ этотъ отъѣздъ. На глазахъ сѣдаго мусульманина фанатика старца—мушира все время были слезы. «Если бы не религія, которая меня всегда поддерживала и запрещаетъ быть малодушнымъ», говорилъ онъ мнѣ, «я долженъ бы пустить себѣ пулю въ лобъ; да вотъ вы нѣсколько меня поддержали вашимъ великодушіемъ, столь свойственнымъ русскому человѣку и представителю побѣдителей». «Каково мое положеніе» — сказалъ мнѣ муширъ за часъ до выѣзда — «вы знаете, что чувствуетъ мое сердце, а эта толпа (указывая на толпившійся у дома народъ, почти всѣ въ бѣлыхъ чалмахъ) упрекаетъ меня въ лицо, что будто я продалъ Эрзерумъ русскимъ». Командующій корпусомъ еще наканунѣ поручилъ мнѣ устроить такъ, чтобы муширъ не отказался принять, проѣдомъ чрезъ Илджу, нашъ почетный караулъ. Генералъ-маіоръ Цитовичъ устроилъ этотъ почетъ сколь было возможно торжественно. Муширъ однако вышелъ изъ экипажа лишь на нѣсколько минутъ, искренно благодарилъ Цитовича за вниманіе, оказанное имъ всѣмъ проходившимъ турецкимъ войскамъ и особенно ихъ начальникамъ, коихъ всѣхъ онъ ласково принималъ и угощалъ,—и поѣхалъ далѣе въ сел. Ашкала, гдѣ жилъ нѣсколько дней, распредѣляя и устраивая свои войска. Изъ Ашкала муширъ перебрался въ Мамахатумъ, а потомъ въ Эрзингянъ, гдѣ и основался со всѣми своими управленіями, военными и гражданскими.

Въ этотъ же день, 8-го февраля, совершено первое движеніе нашихъ войскъ къ городу Эрзеруму: части 40 й пѣхотной дивизіи, занимавшей сѣверную часть блокадной линіи, вступили въ подгородныя, лежащія

подъ выстрѣлами крѣпости и потому доселѣ не занятыя, селенія: Тац-мацоръ, Мудырга, Савукъ-Чермукъ, Шехъ и Кянтъ. Селенія Гѣзъ и Чифтликъ оставлены свободными для ночлеговъ разныхъ турецкихъ командъ, выступавшихъ съ вечера изъ Эрзерума.

Согласно приказанія командовавшаго корпусомъ, изъ крѣпостныхъ верховъ прежде всего слѣдовало занять форты Топъ-дага, Азизье и Меджидье, господствующіе надъ всею крѣпостью и притомъ непремѣнно до окончательнаго очищенія крѣпости отъ турецкихъ войскъ. Занятіе этихъ фортовъ назначено на 9-е февраля, частями Кавказской гренадерской дивизіи, расположенной со стороны Деве-бойну. Надо было предварительно проработать дорогу, такъ какъ здѣсь всю зиму сообщенія не было, а снѣгъ лежалъ, особенно въ ущельяхъ, слоемъ въ нѣсколько сажень. Дѣло это начато со дня выѣзда моего изъ Гассанъ-кала и велось весьма энергично. Гренадеровъ брало нетерпѣніе взглянуть на тотъ Эрзерумъ, который давно служилъ предметомъ ихъ вождѣльнныхъ мечтаній и стоилъ столькихъ громадныхъ жертвъ. По пути отъ Деве бойну, по изрытой природою мѣстности, крутыми подъемами и спусками прорыта въ снѣгу траншея, мѣстами глубже сидящаго на лошади всадника. 1-му баталіону 13-го лейбъ-Эриванскаго полка и всѣмъ четыремъ баталіонамъ 14-го гренадерскаго Грузинскаго полка приказано, подойдя къ фонтану не доходя Эрзерума, остановиться, а мнѣ выѣхать къ нимъ на встрѣчу и лично ввести ихъ въ форты.

День былъ ясный, тихій, морозный. Я взялъ съ собою нѣсколько почетныхъ жителей города (вчера провожавшихъ мушира) и съ состоявшею при мнѣ небольшою командою казаковъ встрѣтилъ голову тянувшихъ по снѣговой траншеѣ одинъ за однимъ эриванцевъ и бригаднаго ихъ командира, генераль-маіора Авинова, верстъ за шесть отъ города. Рыхлый снѣгъ на днѣ траншеи весьма замедлялъ движеніе; люди то и дѣло останавливались перевести духъ.

Отъ фонтана, гдѣ впервые показались верхи городскихъ минаретовъ и куда нѣсколько десятковъ армянъ выбѣжали поспѣшно изъ города взглянуть на русскихъ, длинная нить нашихъ баталіоновъ повернула вправо и по узкой и крутой тропинкѣ стала потихоньку взбираться на горы Топъ-дага. Тутъ открылись грозные Азизье, Меджидье, а внизу подъ ногами—весь громадный городъ, а за нимъ черная, среди бѣло-снѣговаго моря, линія трапезандскаго шоссе съ едва примѣтнымъ селеніемъ Илиджею вдали. На верху Топъ-дага баталіоны строились, отправлялись и распускали свои знамена.

1-й баталіонъ эриванцевъ съ музыкою, среди толпы успѣвшаго собратъся народа, стройно подошелъ къ тому самому форту Азизье, ко-

торый 28-го октября прошлаго года славно штурмовали бакинцы, и вытянулся передъ воротами покоемъ. Сдѣлали на-караулъ; при звукахъ музыки знамя поднялось по лѣстницѣ на верхъ оборонительной казармы и водружено мною, какъ комендантомъ, надъ воротами. Баталіонъ, снявши шапки, сотворилъ крестное знаменіе; затѣмъ, при громкомъ «ура» хоръ музыки исполнилъ «Боже Царя храни», и люди вступили въ казарму. Тоже самое исполнено 2-мъ и 3-мъ баталіонами грузинцевъ передъ правымъ Азияеъ, гдѣ имѣется большая казарма, а 1-мъ и 4-мъ баталіонами того же полка предъ Меджидье, съ тою лишь разницею, что голубыя знамена грузинцевъ поднимались по два разомъ съ двухъ сторонъ симметрично выстроенныхъ оборонительныхъ казармъ и водружались одно мною, другое въ то же время генераль-маіоромъ Авиновымъ.

Такъ совершилось первое вступленіе русскихъ войскъ въ форты Эрзерума. Нашимъ офицерамъ и солдатамъ, пока изъ города не вышли всѣ турецкія войска, возбранено спускаться съ Топъ-дага.

Къ вечеру выступили послѣдніе турецкіе баталіоны; городскіе караулы заняты на ночь командами запіе (турецкихъ жандармовъ), вооруженныхъ ружьями съ начала блокады. Эрзерумскіе караулы подробно осмотрѣны членомъ комисіи гвардіи полковникомъ Толстымъ и сдѣлано соображеніе о занятіи ихъ съ утра 10-го февраля русскими войсками.

Первые русскіе караулы вступили чрезъ Ольтинскія ворота отъ 159-го пѣхотнаго Гурійскаго полка. Народъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на русскихъ часовыхъ, важно расхаживавшихъ передъ сотнями любопытныхъ глазъ. Порядокъ не нарушался ни на минуту, и только на окраинахъ города было два-три случая попытки ободренныхъ христіанъ растаскать порохъ изъ брошенныхъ отворенными османскихъ погребовъ; но и эти попытки прекратились съ появленіемъ нашихъ солдатъ. Въ этотъ день чрезъ меджлисъ мяю объявлено городу о снятіи блокады, о чемъ заблаговременно сдѣланы распоряженія по войскамъ.

10-го же февраля, около 2-хъ часовъ пополудни, въѣхалъ въ Эрзерумъ начальникъ Соганлугскаго отряда (блокировавшаго Эрзерумъ) генераль-лейтенантъ Гейманъ. Онъ встрѣченъ мною по уставу у наружной стороны карскихъ воротъ, у внутренней стороны которыхъ собрался городской меджлисъ. Генераль-лейтенантъ Гейманъ остановился сначала въ квартирѣ, гдѣ жилъ прежде англійскій генераль Кемпбелъ; потомъ перешелъ въ домъ, гдѣ помѣщались англійскіе консулы. У квартиры генераль Гейманъ встрѣченъ былъ почетнымъ карауломъ съ хоромъ музыки. Тотчасъ по пріѣздѣ, къ нему явились человекъ 10 почетнѣйшихъ жителей города разныхъ вѣроисповѣданій и вмѣстѣ съ ними представи-

тели духовенства: архієпископы армяно-католическій, григоріанскій, греческій и мусульманскій кадій, съ выраженіемъ полной готовности выполнять всѣ наши требованія. Съ этого дня очищеніе Эрзерума турками и занятіе его нами стало совершившимся фактомъ.

11-го февраля былъ въѣздъ командующаго корпусомъ генераль-адъютанта нынѣ графа Лорисъ-Меликова. На этотъ разъ у воротъ собрались съ членами меджлиса всѣ почетные жители въ своихъ шитыхъ золотомъ мундирахъ, съ орденами и при оружій; тутъ же возлѣ нашего караула выстроился для почета небольшой караулъ отоманскихъ войскъ, отъ команды остававшейся въ казармѣ у карскихъ воротъ при вещахъ. По улицамъ города, до дома Максудъ-эфенди (среди мусульманской части) шпалерами выстроились спустившіеся съ Топъ-дага гренадеры и вступившіе вчера въ городъ саперы 1-го Кавказскаго баталіона; у дома былъ также поставленъ почетный караулъ. Крыши и путь командующаго корпусомъ наполнились народомъ; но мусульманъ при этомъ почти вовсе не было видно. Войска встрѣчали графа Лорисъ-Меликова крикомъ «ура», бойко отвѣчали на привѣтъ и высказанную имъ благодарность за службу. Приѣмъ представителей духовенства, всѣхъ невыѣхавшихъ турецкихъ чиновниковъ и почетныхъ людей начался съ слѣдующаго дня.

Съ этого же времени чрезъ ольтинскія и особенно карскія ворота нескончаемую вереницею потянулись въ городъ войска съ ихъ имуществомъ и интендантскіе транспорты. Все съ радостію спѣшило укрыться въ сколько нибудь опрятной, сухой и помѣстительной квартирѣ, послѣ продолжительныхъ испытаній при стоянкѣ въ Гассанъ-кала и въ сельскихъ подземныхъ буйволятникахъ, пропитанныхъ тифозными миазмами. На базарахъ появилось множество русскихъ солдатъ; ихъ отпускали въ первое время не иначе какъ командами съ ружьями. Со дня на день торговцы охотнѣе выставляли весь свой товаръ и торговля закипѣла, хотя цѣны стали расти по часамъ, особенно благодаря вліянію прибывшихъ съ войсками русскихъ маркитантовъ и торговцевъ.

Этимъ закончилось порученіе мое по званію временнаго эрзерумскаго коменданта, по приѣму отъ турокъ крѣпости и города и по водворенію въ нихъ русскихъ войскъ и нашей власти. 16-го февраля комендантомъ Эрзерума назначенъ генераль-маіоръ Зеземанъ, а я вступилъ въ должность военнаго губернатора Эрзерумской области.

II.

О демаркаціонной линіи.

Перейду теперь къ описанію работъ комисіи по установленію подробныхъ условій перемирія и демаркаціонной линіи.

Съ самаго начала разсмотрѣнія этого дѣла, еще до моего прибытія въ Гассанъ-кала, обнаружилось, что турки смотрятъ на демаркаціонную линію какъ на грань пространства, могущаго при заключеніи мира быть присоединеннымъ къ русской территоріи, а потому депутаты особенно настаивали на включеніе въ условія перемирія особаго пункта, въ которомъ было не объяснено, что демаркаціонныя линіи суть линіи временныя и имѣютъ силу только во время перемирія.

Въ данныхъ отъ Его Высочества главнокомандующаго кавказскою арміею указаніяхъ, между прочимъ, требовалось: удаленіе находившихся въ Эрзерумѣ войскъ за линію Байбуртъ—Мамахатунъ, съ правомъ расположиться въ этихъ двухъ пунктахъ, и очищеніе отъ турецкихъ войскъ всего пространства Баязетскаго санджака и Ванскаго до паралели города Вана. Вслѣдствіе этого члены нашей комисіи потребовали отъ турокъ, чтобы они приняли такую демаркаціонную линію, которая проходила бы по соотвѣтствующимъ пунктамъ (1), но при этомъ оказалось, что ее нельзя было провести чрезъ самую паралель города Вана, потому что задолго до дня заключенія перемирія турецкій отрядъ силою болѣе шести баталіоновъ пѣхоты стоялъ около сел. Бергири-Кала, невдалекѣ отъ сѣверо-восточной оконечности Ванскаго озера.

Почти паралельно турецкой демаркаціонной линіи должна была проходить и наша (2), причемъ, главными пунктами, на которыхъ русскіе уполномоченные основывали проведеніе демаркаціонныхъ линій,

(1) Пункты эти были: д. Петекрекъ, р. Чорокъ-су, д. Гишенъ, Махуршенъ, г. Испиръ, р. Чорокъ-су, д. Бахсы, Мешегренъ, Ортузы, Хоруръ, Гязъ, р. Чурокъ-су, д. Макуръ, въ раздѣльный хребетъ рѣкъ Чорока и Кари-су, д. Мирза-оглуханъ, р. Кара-су, д. Пекаричъ, г. Мамахатунъ, рѣчка д. Ширинъ, г. Годжъ-дагъ, д. Карабекъ-шаргикъ, Черме, Корга-базаръ, Карагамза, Богду, г. Аватанъ, д. Карову, Ахча, подошва хр. Каруръ-дагъ, д. Зордаганъ, хр. Намрудъ-дага, д. Сыврацоръ, Прхосъ, Акрыкъ, Эльджеванъ-кала, Хоранъ, Хрынъ, Хунджахъ, Аксо-Сыровъ, Эрйакъ, Арнысъ, Гораханъ, Гевричянъ, Ожендурма, Бадысъ-ага, р. Чубулаху, озеро Антанъ-гѣль.

(2) Линію эту предполагалось провести чрезъ д. Ливанъ-Каликъ въ раздѣльный хр. рр. Чорока съ Тортумомъ и Кари-су, г. Копъ-дагъ, у поста Нашахалу, Акъ дагъ, р. Корасу, г. Марджанъ-дагъ, д. Еникей, хр. Каурма-Чухуръ, г. Каракаа, д. Ташъ-агылъ, Туйсуъ, Кара-шейхъ, Тузла, Мерканъ, Гекъ-огланъ, Гомъ, г. Бингель-дагъ, хребетъ, д. Севинъ, хр. Хашуръ, р. Мурадъ-чай, хр. между озерами Казанъ-гѣль и Нозыкъ-гѣль, г. Супханъ-дагъ д. Харахеръ, уроч. Сулейманъ-Хамбетъ, в. разд. хр. и долины Баязета отъ оз. Ванъ, г. Кюгурдъ-дагъ, Али-дагъ, Хори, Тондурекъ, Гюре, оз. Казлы-гѣль.

признавались для русскихъ: Ольта, Эрзерумъ, Хнысь-Кала, Мелазгирдъ, Баязетъ; для турокъ: Истиръ, Байбуртъ, Мамахатунъ, Мушь, Битлисъ и Ванъ. Предполагалось, сохранивъ за обѣими сторонами эти пункты, установить нейтральную полосу, по возможности придерживаясь естественнымъ границамъ. Войска обѣихъ сторонъ, которыя могли бы оказаться за чертою сихъ линій, обязывались отойти. Такое предложеніе истекало изъ равноправности обѣихъ воюющихъ сторонъ на образованіе между ними полосы земли, достаточной ширины, для предотвращенія случайныхъ столкновеній во время перемирія.

Турецкіе уполномоченные протестовали противу проектированныхъ нами линій, указывая на то, что въ данную минуту имѣются отряды ихъ войскъ: у сел. Выхыкъ-капысы на Тортумъ-су (около двухъ баталіоновъ пѣхоты съ кавалерією), въ нѣкоторыхъ селеніяхъ подъ Копъ-дагомъ (ничтожныя конныя команды), у сел. Патнось, недалеко отъ Мелазгирда (около четырехъ баталіоновъ) и въ Буланныхъ и близъ сел. Кара-Чобалъ, на Хнысь-су (отрядъ ферики Рифадъ-паши, 16 баталіоновъ съ артилерією, полкомъ суварі и большими партіями курдовъ). Всѣ эти отряды двигались впередъ и остановились на настоящихъ мѣстахъ послѣ дня заключенія перемирія, не взирая на возраженія, дѣлаемыя начальниками ближайше расположенныхъ нашихъ войскъ. Движенія оныхъ, въ то время, когда нами повсюду свято соблюдено главное условіе перемирія: не двигать впередъ ни одного солдата, сколько мнѣ стало извѣстно потомъ, произведено по распоряженію штаба анатолійской арміи, именно съ цѣлію, сколь возможно сократить при заключеніи перемирія предѣлы нашего расположенія.

Пока продолжались переговоры по изложеннымъ предметамъ, время шло; оно могло продлиться и еще много дней. Между тѣмъ оказывалось необходимымъ поскорѣе оформить нѣкоторые условія, соблюденіе которыхъ не находилось въ полной зависимости отъ направленія линій; такъ, напримѣръ, пріостановленіе всякихъ военныхъ дѣйствій; о томъ, что каждая сторона въ районѣ своего расположенія есть полный хозяинъ не только въ военномъ, но и въ административномъ отношеніи; о продолженіи дѣйствій мѣстныхъ управленій; о томъ, чтобы въ случаѣ разрыва противникъ былъ своевременно увѣдомленъ о прекращеніи перемирія; о возбраненіи безпрепятственного перехода жителямъ изъ района нашего расположенія къ непріятелю и о взаимной выдачѣ преступниковъ. Поэтому, обѣ комисіи согласились: подписать актъ объ условіяхъ перемирія, не выжидая окончательнаго опредѣленія демаркаціонныхъ линій, что, какъ сказано, исполнено 7-го февраля, въ Эрзерумѣ.

Вообще переговоры о демаркаціонной линіи были весьма затрудни-

тельны потому, что турецкіе начальники не только не умѣютъ читать карту, но нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ безграмотны, а молодые офицеры, даже генеральнаго штаба, какъ видно, не часто справляются съ картою; да и картъ-то у нихъ, послѣ потери того, что возилось съ Мухтаромъ-пашою, на Аладжѣ и на Деве-бойну, почти не имѣлось вовсе. Измаилъ-паша, знающій наизусть всѣ уголки здѣшней мѣстности, лично давалъ указанія членамъ комисіи, а тѣ, далеко не столь знакомые съ краемъ, путались, и сегодня отрицали то, что вчера предлагали. Разсужденіямъ нашимъ, казалось, не будетъ конца. Въ виду этого, въ день отъѣзда мушира, я потребовалъ отъ него чрезъ Мусу-пашу категорическихъ указаній оставшимся въ Эрзерумѣ турецкимъ уполномоченнымъ, говоря, что изъ всего того, что слышалъ до сихъ поръ, не могу даже понять, чего же именно хотятъ турки, и что въ противномъ случаѣ прекращу бесполезные переговоры и донесу своему начальству о невозможности добиться толку.

— Не выведу назадъ, ни на шагъ, ни одного солдата изъ пунктовъ, о занятіи которыхъ мною уже донесено въ Стамбулъ, сказалъ мнѣ муширъ, хотя бы они и были заняты послѣ 19-го января; не хочу самъ добровольно дѣлать что нибудь въ ущербъ чести отоманскаго оружія; пусть меня заставляютъ изъ Стамбула.

Послѣ отъѣзда Измаила-паши, предсѣдатель турецкой комисіи предъявилъ мнѣ письменное предписаніе ему мушира, съ перечнемъ продиктованныхъ имъ пунктовъ, до которыхъ онъ строго приказывалъ довести турецкое военное занятіе края. Оказалось, что то были передовые пункты нашего расположенія войскъ; мѣстами даже селенія, гдѣ стояли наши войска (напримѣръ, сел. Карабникъ, нѣсколько селеній около Хныссы-кала), очутились въ турецкомъ расположеніи. Турецкія войска почти всюду стояли отъ этой линіи на значительномъ разстояніи; но муширъ даже не допускалъ проведенія черезъ передовые пункты ихъ стоянокъ другой линіи, опредѣливъ пространство между двумя линіями — нейтральнымъ. «Мнѣ не нужно нейтральной полосы», говорилъ онъ; «если русскіе хотятъ, пусть образуютъ ее, отодвинувъ назадъ свои войска». Стало очевиднымъ, что соглашенія послѣдовать не можетъ.

Однако, члены турецкой комисіи, видя пристрастность требованій своего мушира, рѣшили сдѣлать попытку къ соглашенію: измѣнили линію Измаила-паши въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она переступала за пункты расположенія русскихъ войскъ, а потомъ предлагали для образованія нейтральной полосы, вмѣсто одной линіи, провести двѣ параллельныя, одну для русскихъ, другую для турокъ, на пять верстъ раз-

стоянія между собою, каждая на 2¹/₂ версты (полчаса ходу) въ свою сторону.

Чтобы покончить дѣло, русская комисія согласилась принять исправленную линію Измаила-паши за *русскую демаркаціонную* и, изложивъ весь ходъ дѣла въ актѣ, выразить въ ономъ, что, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ предложить туркамъ провести другую турецкую линію, отодвинутую ближе къ главнымъ пунктамъ ихъ расположенія: Байбурту, Мамахатуму, Мушу, Битлису и Вану, а пространство между этими линіями признать нейтральнымъ. Такъ и исполнено. Актъ подписанъ 14-го февраля на русскомъ и турецкомъ языкахъ. Русская комисія доносила, что признаніе линіи, исправленной Измаиломъ-пашой, за турецкую демаркаціонную, русскіе уполномоченные сочли несогласнымъ съ нашими военными интересами. Это дозволило бы туркамъ во время перемирія сосредоточить свои силы столь близко къ нашимъ тыловымъ сообщеніямъ, что, въ случаѣ начала новой кампаніи, могли бы явиться серьезныя затрудненія, и относительное положеніе воюющихъ сторонъ ко времени возобновленія войны можетъ много улучшиться для турокъ и ухудшиться для насъ противу того, какъ было въ дни заключенія перемирія, главнымъ образомъ изъ-за слишкомъ смѣло обогнувшей нашъ лѣвый флангъ турецкой демаркаціонной линіи.

Сколько мнѣ извѣстно, командовавшій корпусомъ обращался съ соотвѣтствующимъ заявленіемъ къ муширу Измаилу-пашѣ; но отъ послѣдняго полученъ отвѣтъ столь неясный, что изъ него ничего новаго нельзя было вывести. Между тѣмъ, по нашимъ войскамъ объявлены пункты линіи, признанной комисією за русскую демаркаціонную ⁽¹⁾, и сообразно начертанію этой линіи сдѣланы нѣкоторые измѣненія въ административномъ дѣленіи нашей Эрзерумской области.

Черезъ нѣсколько дней послѣ подписанія акта 14-го февраля, турецкіе уполномоченные, которые, надо отдать справедливость, на сколько лично отъ нихъ зависѣло, дѣйствовали добросовѣстно, выѣхали въ Эрзинганъ, къ главному штабу анатолійской арміи.

⁽¹⁾ Пункты эти были приблизительно слѣдующіе: г. Ар-анучъ, хр. Сиври-дагъ, Тортумъ, г. Думри-дагъ, Кюкюрень, Тузла, хр. Хамиръ-дагъ, г. Акъ-дагъ, г. Шакиръ, г. Ала-дагъ, Тондурекъ и далѣе до персидской границы.

III

Состояніе города и края во времени возвращенія ихъ туркамъ.

15-го августа я получилъ изъ Карса отъ генералъ-лейтенанта Лазарева депешу такого содержанія: «предваряю, что немедленно по сдачѣ намъ Батума и его округа, войска наши отойдутъ изъ Эрзерума за линію новой границы. Прошу васъ теперь же озаботиться приведеніемъ въ ясность всего принятаго нами отъ турокъ имущества, для безостановочной сдачи онаго тотчасъ, по полученіи приказанія; приготовить и обусловить самый порядокъ передачи Эрзерума и предупредить о предстоящей перемѣнѣ турецкихъ властей».

Прежде чѣмъ говорить о передачѣ отоманскимъ властямъ Эрзерума и всего края, скажу нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ положеніи находились городъ и край ко дню полученія мною депеши.

Прошло болѣе полугодомъ со времени вступленія сюда русскихъ и весьма многое измѣнилось противу того, что было въ эпоху нашего вступленія въ край. До исхода берлинскаго конгресса, не только вѣроятность возобновленія войны не исчезла, но по временамъ она признавалась несомнѣнною; и турки, и мы, сообразно съ этимъ, продолжали готовиться къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ. Даже послѣ обнародованія берлинскаго трактата воинственное настроеніе двухъ противостоящихъ армій не скоро остыло.

Турецкая армія посвятила все время своему переустройству. Муширъ-Измаилъ-паша и его штабъ работали неутомимо: собирали молодыхъ солдатъ, формировали баталіоны и полки, хлопотали о куртинской милиціи, заботились о заготовленіи новыхъ запасовъ продовольствія и особенно огнестрѣльныхъ припасовъ. Но въ истощенныхъ краѣ и арміи трудно было сдѣлать многое и, не смотря на всѣ усилія, анатолійская армія хотя и считала въ своемъ составѣ до 80 баталіоновъ, но они далеко не представляли, впрочемъ, грозной силы. Почти во всемъ чувствовался недостатокъ, — особенно въ артилеріи и кавалеріи, за трудностію достать доброкачественныхъ лошадей и вслѣдствіе того, что при слѣшномъ выступленіи турецкихъ войскъ изъ Эрзерума въ суровую зиму матеріальная часть ихъ до крайности перепуталась и разстроилась. Больше

всего обращала на себя вниманіе та деморализація, которая, если можно такъ выразиться, пропитала всю армію. Наученные опытомъ, турецкіе офицеры твердили о бесплодности дальнѣйшей борьбы, а солдаты сдѣлались почти апатичными. Дезертирство во всѣхъ частяхъ было сильное, и вообще можно сказать навѣрно, что, въ случаѣ новой войны, даже и при помощи англійскихъ руководителей, анатолійской арміи было бы весьма трудно состязаться съ нашими силами. Главный штабъ этой арміи по прежнему продолжалъ находиться въ Эрзингянѣ. Состояніе дорогъ и истощеніе перевозочныхъ средствъ долго тормазило перевозку къ Эрзингяну подвозимыхъ моремъ къ Трапезонту военныхъ припасовъ и все количество ихъ, выѣстъ взятое, уже далеко не представляло того изобилія, которое поражало въ началѣ прошлагодней войны. Находившіеся въ нашихъ рукахъ богатые эрзерумскіе склады составляли для турокъ весьма важную и цѣнную потерю.

Раіонъ нашего расположенія измѣнился, главнымъ образомъ, вслѣдствіе добровольной передачи туркамъ еще въ концѣ февраля г. Хныскала, съ его округомъ. Вслѣдствіе необыкновенной трудности сообщенія Гассанкала съ Хнысомъ, по опасной тропѣ чрезъ перевалы въ 10,000 и 11,000 футовъ, дальнѣйшее оставленіе въ Хнысѣ нашихъ войскъ представляло громадныя затрудненія; къ тому же, третья часть блокировавшей Эрзерумъ пѣхоты, именно кавказская гренадерская дивизія, въ мартѣ была отодвинута къ Александрополю, такъ что занятіе Хныса становилось и по числу нашихъ войскъ невыгоднымъ. Генераль-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ письмомъ заявилъ муширу Измаилу-пашѣ о выводѣ изъ Хныса нашихъ войскъ и предложилъ ему немедленно занять его своими войсками, возвративъ въ оное турецкое правленіе. Оставлять въ Хнысѣ наше бывшее тамъ окружное управленіе, послѣ вывода войскъ, было невозможно потому, что только военная сила могла сдерживать тамошнихъ курдовъ и мусульманъ отъ нанесенія обидъ христіанамъ. Не смотря на всѣ мѣры, принятыя муширомъ, все-таки, тотчасъ по выходѣ изъ Хныса нашихъ войскъ, тамъ начались грабежи и всякаго рода безчинства надъ христіанами, толпы которыхъ безпрестанно приходила къ нашимъ властямъ въ Эрзерумъ съ просьбою о помощи.

Надо отдать справедливость туркамъ и въ особенности муширу, что они старались строго соблюдать демаркаціонную линію. Было нѣсколько случайныхъ попытокъ къ переходу чрезъ оную отдѣльными служащими лицами, для сбора разнаго рода податей и даже рекрутъ, но, какъ обнаружилось, это происходило почти исключительно отъ непониманія ни высшими, ни низшими турецкими властями географиче-

скихъ картъ или, правильнѣе, отъ неимѣнія вовсе этихъ картъ. Въ перечень пунктовъ демаркаціонной линіи не могли быть внесены всѣ безъ исключенія селенія, между тѣмъ турки все что не было поименовано и не было занято нашими войсками—считали своимъ. До наступленія полнаго лѣта, снѣгъ на горахъ мѣшалъ исполнить на мѣстѣ обѣздъ линіи депутатами съ обѣихъ сторонъ; впоследствии же сколько я ни просилъ мушира о высылкѣ для сего знающаго карту турецкаго офицера, таковой не высылался. Мнѣ сообщили, что всѣ четыре имѣвшихся въ анатолійской арміи пригодныхъ для сего офицера (а ихъ болѣе не находилось) были раскомандированы въ разныя стороны. Самое крупное недоразумѣніе относительно демаркаціонной линіи произошло въ іюлѣ: вслѣдствіе ничтожной случайности обнаружилось, что сосѣднія мелкія турецкія власти продолжали считать своими всѣ куртинскія селенія верховаго Аракса, отдѣленные отъ Эрзерумской и Гассанкальской равнинъ заоблачными Паланъ-Текенскими горами. Въ эти возвышенныя, суровыя мѣста, пока тамъ было спокойно, не было надобности посылать нашихъ войскъ, а турки принимали это за доказательство непринадлежности намъ края. Другое, тоже вызвавшее значительныя хлопоты и недоразумѣнія такого же рода, было въ таускертскомъ участкѣ, Ольтинскаго округа, гдѣ были даже арестованы разѣзжавшіе по селеніямъ, для сбора рекрутовъ, турецкіе офицеры. По разъясненіи причины недоразумѣній, муширъ далъ мнѣ знать, что болѣе возражать противу нашихъ распоряженій никто изъ его подчиненныхъ не будетъ и что относительно подробностей демаркаціонной линіи онъ вполне полагается на меня.

Все пространство Эрзерумской области, за упраздненіемъ Хныскаго округа, оставалось раздѣленнымъ на шесть слѣдующихъ округовъ: Эрзерумскій, Гассанкальскій, Ольтинскій, Хоросанскій, Алашкертскій и Баязетскій. Когда, съ упраздненіемъ управленія дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ, изъ войскъ, занимавшихъ Кареско-Эрзерумскую линію, былъ образованъ карескій отрядъ (въ іюлѣ),—изъ подчиненности начальника котораго были изъяты войска эриванскаго отряда, занимавшія Алашкертъ и Баязетъ,—последніе два округа (Алашкертскій и Баязетскій) были изъяты изъ Эрзерумской области и подчинены начальнику эриванскаго одряда. Затѣмъ, въ составѣ Эрзерумской области осталось только четыре округа.

Послѣ схода снѣговъ, по обыкновенію весьма поздняго, въ здѣшнемъ возвышенномъ краѣ настала дождливая весна, благотѣльная какъ для урожая, такъ и для уничтоженія тифозныхъ міазмовъ, столь развѣвившихся въ теченіе роковой зимы. Поля и луга зазеленѣли, воз-

духъ освѣжился; и жители и войска воскресли. Губительная тифозная эпидемія стала слабѣть, и въ маѣ уже почти совсѣмъ прекратилась. Только съ половины іюля начались жары, продолжающіеся здѣсь не болѣе 40 или 50 дней, но и то при свѣжихъ, здоровыхъ ночахъ. Во второй половинѣ августа уже жары спали.

Послѣ отправленія изъ Эрзерума многихъ партій выздоровѣвшихъ турецкихъ солдатъ, число оставшихся здѣсь турецкихъ медиковъ и разныхъ командъ быстро уменьшилось. Изъ 4,600 турецкихъ больныхъ, къ 1-му августа оставалось всего 28 человекъ, при двухъ медикахъ, и эти остатки могли бы выѣхать безпрепятственно, но замедлили свой выѣздъ, слышавъ о скоромъ возвращеніи сюда турецкихъ властей и находя нужнымъ оставаться для присмотра за лазаретнымъ имуществомъ, количество котораго и послѣ вывозовъ въ Эрзингянъ оставалось значительное. Всѣ казенныя турецкія зданія, за исключеніемъ только центрального постоянного госпиталя, постепенно перешли въ наши руки.

Наши госпитальныя заведенія, сосредоточенныя въ большомъ числѣ въ Эрзерумѣ, а также разбросанныя по разнымъ пунктамъ Пассинской долины до окончательной просушки дорогъ, сильно бѣдствовали. Было время, когда въ г. Эрзерумѣ находилось до 7,000 нашихъ больныхъ, а всего съ госпиталями и лазаретами Пассинской долины—до 15,000. Все, что для нихъ возможно было извлечь изъ края: помѣщеніе, продовольствіе, предметы внутренняго устройства и одежды больныхъ,—все извлекалось; но силы и средства эти оказались недостаточными, и осталось возложить главныя надежды на приближавшееся теплое время. Невозможно описать всѣ трудности, перенесенныя при этомъ нашими больными, когда въ госпиталяхъ, со штатомъ на 200 больныхъ, состояло ихъ до 1,400. Изъ частей войскъ перестали уже отправлять больныхъ въ госпиталь, а въ нѣкоторыхъ ротахъ здоровыхъ людей почти вовсе не осталось. Во всѣхъ пунктахъ, гдѣ были госпитали и лазареты, образовались значительныя кладбища нашихъ воиновъ, а въ Эрзерумѣ число погребенныхъ офицеровъ и солдатъ къ началу августа дошло до 3,000. Политическія событія заставили, не смотря на еще не совсѣмъ просохшіе пути, приняться за поспѣшную, усиленную эвакуацію больныхъ въ концѣ апрѣля. Дороги запрудились фургонами и арбами, которыхъ одновременно и въ нѣсколько дней было собрано изъ селеній болѣе 1,500. Транспортируемые больные размѣщались въ предѣлахъ Карсской области и далѣе, что разомъ очистило Эрзерумскую область и содѣйствовало скорѣйшему улучшенію здѣшнихъ гигиеническихъ условій.

Всюду наши войска, при первой возможности, выводились въ лагерь. Подъ Эрзерумомъ лагерное мѣсто выбрано по склонамъ Паланъ-Текена, фронтомъ къ городу, на который обращены были дула 48-ми орудій, прикрывавшихъ собою карсскую дорогу. Только 153-й пѣхотный Бакинскій полкъ, которому (послѣ его славнаго штурма форта Азизе 28-го октября прошлаго года) принадлежало наибольшее право быть хозяиномъ въ Эрзерумѣ, оставленъ въ городѣ гарнизономъ: по баталіону въ цитадели и фортѣ Кереметли и два баталіона сначала по квартирамъ, потомъ въ особомъ лагерѣ въ чертѣ города. Лишь въ концѣ мая къ многочисленнымъ по составу баталіонамъ стали прибывать укомплектованія. Появленіе молодыхъ, здоровыхъ солдатъ, которыхъ всякій разъ нарочно проводили чрезъ городъ, производило живительное, радостное впечатлѣніе на наши войска и здѣшнихъ христіанъ, и, наоборотъ, непріятное — на мусульманъ. Съ улучшеніемъ дорогъ стали подходить къ Эрзеруму транспорты изъ Трапезонта и другихъ мѣстъ съ разными продуктами, дозволившими улучшить продовольствіе. Переформированные послѣ прибытія укомплектованія войска начали свои строевыя занятія, привлекавшія, въ особенности сначала, множество любопытныхъ изъ мѣстныхъ жителей, преимущественно христіанъ. Къ концу іюня въ этомъ отношеніи уже все измѣнилось. Подгородный лагерь усиленъ нѣсколькими вновь прибывшими частями и принялъ видъ веселый и грозный. Копотливая пріемка съ составленіемъ описей турецкихъ военныхъ складовъ понемногу подвигалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ число бывшихъ при складахъ турецкихъ офицеровъ и солдатъ сокращалось, и турецкіе часовые всюду замѣнялись русскими. Вскорѣ городъ и край приняли чисто русскій характеръ, точно будто русскіе водворились здѣсь давно.

На основаніи особаго распоряженія, въ нѣкоторыхъ фортахъ и въ другихъ мѣстахъ произведены были приготовительныя работы для взорванія укрѣпленій; больше всего такихъ приготовленій исполнено въ фортахъ Меджидье и Азизе, гдѣ поставлены наши саперы и куда запрещенъ входъ частнымъ лицамъ. Линія военно-походнаго телеграфа, протянутая весьма спѣшно зимою и безпрестанно портившаяся, исправлена капитально.

О числительности и составѣ нашихъ войскъ, подробностяхъ ихъ устройства, снабженіи, расположенія и быта, объ ихъ занятіяхъ и службѣ, я не упоминаю потому, что это выходило изъ сферы моего непосредственнаго вѣдѣнія.

Тотчасъ по вступленіи въ городъ Эрзерумъ, мы дѣятельно приступили къ очисткѣ его улицъ, площадей и многочисленныхъ канавъ отъ массъ завалившаго ихъ снѣга, льда, подъ которыми, за время блокады,

накопилось множество павшихъ животныхъ и всякаго рода нечистотъ. Работали исключительно жители за небольшую почтенную плату на счетъ города и русской казны. Туземцы удивлялись: зачѣмъ это русскіе принимаютъ такія работы, когда черезъ два, три мѣсяца, обычные сильные дожди и потоки съ горъ безъ всякихъ хлопотъ очистятъ весь городъ; между тѣмъ сохраненіе чистоты въ эти два, три мѣсяца и было для насъ особенно важно.

Нарядъ на работы и мусульманами и христіанами выполнялся безпрекословно; плата назначалась: рабочему около 40 коп., арбѣ около 1 руб. въ день. На эти же работы отсылались всѣ временно приходящіе въ городъ бездомные бѣдняки, что отвлекало ихъ отъ какихъ либо предосудительныхъ занятій и давало средства для пропитанія.

Въ Эрзерумъ прибылъ начальникъ всѣхъ асенизационныхъ отрядовъ, докторъ Реммертъ, и установилъ здѣсь дѣйствія особаго отряда, подъ начальствомъ доктора Рейтлингера. Мѣстный отрядъ тотчасъ же приступилъ къ очисткѣ и дезинфекціи всѣхъ тѣхъ зданій, гдѣ помѣщались войска и особенно больные, а черезъ нѣсколько времени къ асенизационнымъ тѣмъ кладбищъ, гдѣ во время блокады хоронились умершіе отъ тифа и другихъ болѣзней турецкіе солдаты. Весьма многія могилы на этихъ кладбищахъ съ таяніемъ снѣговъ обнажились и угрожали заразою. Послѣ многихъ совѣщаній о способѣ асенизационной и участіи въ расходахъ турокъ, рѣшено исполнить всю работу на средства нашего асенизационнаго отряда, такъ какъ было очевидно, что турецкія обѣщанія никогда не перейдутъ въ исполненіе. Работы эти обошлись въ 25,000 рублей и исполнены вполне добросовѣстно, что, безъ сомнѣнія, послужило одной изъ главныхъ причинъ совершеннаго устраненія эпидемическихъ болѣзней, столь легко являющихся послѣ войны.

Городское управленіе и полиція изъ мѣстныхъ жителей, подъ руководствомъ нашихъ офицеровъ и чиновниковъ, дѣйствовали весьма усердно. Наиболѣе хлопотъ причинило имъ размѣщеніе войскъ по квартирамъ въ то время, когда въ городѣ, кромѣ громадной массы турецкихъ и нашихъ больныхъ, было сосредоточено болѣе 20 баталіоновъ пѣхоты съ частями артилеріи и кавалеріи. Мусульмане, всѣми средствами уклоняясь отъ постоа нашихъ чиновъ, возбуждали безчисленное множество неосновательныхъ жалобъ.

Предприняты работы для засыпки среди города глубокихъ овраговъ, гдѣ застаивалась гниющая съ вредными испареніями вода, и къ концу августа, на мѣстѣ этихъ овраговъ, образовалась просторная площадь, тотчасъ же отданная въ аренду для торговцевъ лошадей и скота, за

нѣкоторую плату въ пользу города. Вдоль многихъ водосточныхъ канавъ весною посажено до 700 деревъ.

Торговля, постепенно оживляясь, потребовала учрежденія особаго торговаго суда (таджиретъ), изъ лицъ, выбранныхъ населеніемъ, безвозмездно. Временное уничтоженіе акциза съ табаку и всякаго рода таможенныхъ пошлинъ съ питей содѣйствовали оживленію торговли. Съ появленіемъ подножнаго корма и съ нѣкоторымъ удешевленіемъ перевозочныхъ средствъ, появились караваны персидскаго транзита, и цѣны на всякаго рода товары, неизмѣнно высокія зимой, стали постепенно спускаться.

Господствующими денежными знаками все время служили наши кредитные билеты. Жители и особенно торговцы брали ихъ очень охотно, платя за кредитный рубль—1 р. 5 к. и 1 р. 10 к., нашею мелкою разнѣнною монетою и 26—30 піастровъ (вмѣсто 20) турецкими каиме. Эти послѣдніе (каиме) не могли быть совершенно изъяты изъ обращенія, ибо иначе всѣ турецкіе госпитали, чиновники и лица, получающія средства для жизни изъ Турціи, не могли существовать. Городской полиціи часто приходилось принимать жалобы на то, что торговцы, даже изъ кровныхъ турокъ, не продаютъ предметы первой жизненной потребности за турецкія деньги, требуя русскихъ. Русскаго золота почти не было видно; турецкое—встрѣчалось въ обращеніи. Ежемѣсячно мною утверждались таксы на предметы торговли; онѣ на русскомъ и турецкомъ языкахъ вывѣшивались на видныхъ мѣстахъ около базаровъ.

Съ разрѣшенія главнокомандующаго, населеніе было освобождено отъ всякаго рода податей, и только въ концѣ лѣта, когда обозначился отличный урожай, ему объявлено, что обычный десятинный сборъ полевыхъ продуктовъ въ текущемъ году будетъ произведенъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ онъ производился при турецкихъ властяхъ. Сборъ этотъ обѣщалъ дать намъ весьма большіе запасы, но распоряженіе объ оставленіи Эрзерума получилось тогда, когда онъ лишь начался.

Весною турецкія власти прислали мнѣ копію съ повелѣнія Порты и просили дозволить собрать со всѣхъ остающихся, по санъ-стефанскому договору за Турцію деревень, обычный сборъ съ овецъ, или допустить турецкихъ чиновниковъ произвести счетъ овецъ. Этотъ счетъ исполняется обыкновенно весною передъ выходомъ скота въ поле на лѣтнія кочевки; упустивъ время, его нельзя произвести правильно. Я, разумѣется, заявилъ, что пока въ краѣ дѣйствуетъ русское управленіе, ни одинъ чиновникъ не будетъ допущенъ ни къ какому дѣлу, и все, что могу сдѣлать, это — велѣть своимъ чиновникамъ собрать свѣдѣнія о коли-

честь овецъ, для передачи туркамъ, когда будемъ возвращать имъ страну.

Жители въ деревняхъ и въ городѣ, продавая войскамъ запасы прошлаго года, по неслыханнымъ прежде цѣнамъ, выручили большія суммы денегъ, и все время край, въ противность того, что бывало при турецкихъ властяхъ, пользовался совершенно спокойствіемъ. За все время десятизмѣсячнаго занятія нами края и семимѣсячнаго занятія города Эрзерума, было лишь семь случаевъ грабежей и убійства, тогда какъ съ турецкой стороны демаркаціонной линіи ко мнѣ безпрестанно являлись депутаты отъ разныхъ селеній, особенно христіанскихъ, съ просьбою оградить ихъ отъ безпрестанныхъ разбоевъ.

Рѣдкіе случаи грабежей и убійствъ въ предѣлахъ нашего управленія, конечно, строжайше преслѣдовались; три уличенныхъ въ убійствѣ жители сел. Чифтликъ, по приговору полевого военного суда, въ началѣ іюня повѣшены; нѣсколько уличенныхъ въ другихъ менѣе тяжкихъ преступленіяхъ посланы въ заточеніе въ Карсъ и Александрополь.

Вообще, въ матеріальномъ отношеніи, для здѣшняго населенія время занятія края, по собственному выраженію и христіанъ и мусульманъ, было отдыхомъ, который останется у нихъ на долго въ народной памяти. Вѣсть объ освобожденіи отъ налоговъ и о совершенномъ покоѣ жителей края разнеслась далеко во внутрь Анатолиі, несомнѣнно и весьма много помогла бы намъ въ случаѣ продолженія войны нынѣшнимъ лѣтомъ, и не останется безъ результатовъ въ будущемъ, если бы новая война началась по прошествіи многихъ лѣтъ.

31-го мая пріѣхалъ въ Эрзерумъ генералъ-лейтенантъ Лазаревъ, пробывшій здѣсь около трехъ недѣль. Надо было видѣть восторженную и торжественную встрѣчу, сдѣланную ему населеніемъ и тѣмъ оваціи, которыя выказывали всѣ сословія, не исключая даже представителей мусульманъ, во все время пребыванія его въ городѣ. Это былъ рядъ праздниковъ, по увѣренію сторожиловъ, небывалыхъ никогда въ Эрзерумѣ.

Тотчасъ по занятіи Эрзерума, я входилъ съ представленіемъ о высылкѣ въ край лицъ, для составленія статистическихъ описаній. Къ сожалѣнію, обстоятельства не дозволили ходатайствамъ моимъ осуществиться. Я возложилъ на начальниковъ округовъ собраніе свѣдѣній о численности народонаселенія и распредѣленія его по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ, на сколько это было возможно, безъ возбужденія безпокойствъ среди народа. Я далъ всѣ возможные средства одному изъ состоявшихъ при мнѣ чиновниковъ (г. Ерицову) для собранія и разработки прочихъ свѣдѣній о краѣ, и этимъ чинов-

никомъ черезъ нѣсколько времени будетъ представленъ посильный трудъ. Дать этому дѣлу большее развитіе изъ средствъ, въ моемъ вѣдѣніи состоявшихъ, было невозможно: всѣ безъ исключенія чины администратіи съ первыхъ до послѣднихъ дней были завалены усиленною работою.

По распоряженію военно-топографическаго отдѣла, лишь только наступившая весна дозволила производить топографическія работы въ полѣ—были высланы въ край топографы, трудами которыхъ исполнена отчетливая съемка всей мѣстности по нашу сторону демаркаціонной линіи. Остался не снятымъ лишь Хныскій округъ, возвращенный туркамъ во время суровой зимы, когда были немыслимы никакія полевые работы.

Когда явилось вѣроятіе скорого оставленія края, обращено вниманіе на устройство кладбищъ нашихъ павшихъ воиновъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе обширныхъ изъ нихъ. Въ Гассанъ-кала и на двухъ кладбищахъ въ Эрзерумѣ сооружены памятники возможно прочные, главному изъ коихъ, именно на эрзерумскомъ христіанскомъ кладбищѣ, данъ видъ изящной часовни, съ соответствующими надписями на мраморныхъ доскахъ внутри оной ⁽¹⁾. Памятникъ этотъ стоитъ до 5,000 рублей; строителемъ былъ саперный поручикъ Янушъ; закладка его, равно освященіе загороднаго подъ Эрзерумомъ и въ Гассанъ-кала памятниковъ произведены торжественно съ участіемъ войскъ.

Мусульмане, конечно, съ ненавистью встрѣтили наше вступленіе въ край, но черезъ нѣсколько времени, простой народъ, видя, что наши власти не только не преслѣдуютъ его, но во всемъ относятся къ нему какъ и къ христіанамъ, нѣсколько примирился со своимъ положеніемъ и даже оцѣнилъ его выгоды. За все время мусульмане нигдѣ не осмѣливались ни открыто противодѣйствовать нашимъ властямъ, ни притѣснять христіанъ; хотя достигнуть этого было не легко. Здѣсь мусульмане привыкли нервенствовать, относиться къ христіанамъ какъ къ подвластнымъ рабамъ, и потому уже одно уравненіе всего населенія безразлично было для мусульманъ нравственною тягостью. Желаніе скорѣе освободиться отъ этой тягости брало верхъ даже надъ очевидными матеріальными выгодами.

Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ, пока наши войска не успѣли оправиться отъ зимнихъ невзгодъ и укомплектоваться, пока со дня на день ожидали новой войны, между здѣшними мусульманами случались проявленія дерзкихъ выраженій ихъ глубокой ненависти къ нашимъ войскамъ; такихъ случаевъ было нѣсколько и собственно въ городѣ Эрзерумѣ,

(1) Смотри приложенный при семъ планъ памятника.

въ родѣ выстрѣла изъ за-угла въ нашъ караульный домъ или бросанія камней въ проходящаго офицера. Конечно, строжайшія взысканія слѣдовали за такими выходками.

Лишь только войска наши къ лѣту пришли снова въ нормальный видъ, мусульмане притихли. Какъ только заговорили о скоромъ возвращеніи туркамъ Эрзерума, мусульмане снова подняли головы и стали опять заносчивѣе относительно христіанъ. Глава духовенства, эрзерумскій муфтіи, со дня нашего прихода, казался больнымъ и все время не выходилъ изъ своего дома; къ нашему счастью, онъ, по личнымъ качествамъ своимъ, не пользуется уваженіемъ въ народѣ и потому пассивная оппозиція его была намъ безвредна. Отсутствіе представителя мусульманскаго духовенства принесло вредъ лишь мусульманамъ, лишившимся законнаго ходатая передъ нашими властями въ своихъ религіозныхъ нуждахъ. Мы, однако, все-таки ни малѣйше и ни въ чемъ не препятствовали свободѣ мусульманской религіи, не налагали руки ни на какіе изъ ихъ обычаевъ; съ той же цитадели, съ которой производились салюты въ наши торжественные дни, — допускали и мусульманъ выстрѣлами изъ тѣхъ же самыхъ орудій торжественно праздновать свои праздники. Но все-таки между эрзерумскими мусульманами нѣсколько сотъ семействъ сочли своимъ долгомъ, на время нахождения здѣсь христіанскихъ властей, удалиться въ глубь Анатолиі. Частью дороговизна жизни, а главнымъ образомъ религіозный фанатизмъ служили къ тому побужденіями.

Армяне, тотчасъ по занятіи края русскими, съ увлеченіемъ желали воспользоваться своимъ освобожденіемъ отъ мусульманскаго ига. Допущеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ составъ нашей администраціи и то, что они увидѣли во очію своихъ единоплеменниковъ въ рядахъ нашихъ войскъ осыпанными почестями, какъ бы воскресило ихъ духъ до того, что многіе изъ нихъ въ дѣйствіяхъ своихъ забывали, что торжество пришло только временно. Значительная часть здѣшнихъ армянъ, не смотря ни на какіе слухи объ условіяхъ санъ-стефанскаго и берлинскаго трактатовъ, не хотѣли вѣрить, что въ Эрзерумъ когда либо возвратятся турки. Не малыхъ усилій стоило удерживать армянскихъ заціевъ отъ крутаго обращенія съ подпавшими подъ ихъ наблюденіе недавними ихъ властелинами-турками. Время нашего пребыванія въ здѣшнемъ краѣ было по истиннѣ временемъ праздника для армянъ; въ выраженіяхъ симпатіи ихъ нашимъ войскамъ не было недостатка. Особенно выразительно это было въ наиболѣе живущемъ чувствами юномъ подрастающемъ поколѣніи: во всѣхъ углахъ Эрзерума любимую игру дѣтей стало подраженіе русскимъ солдатамъ. Какъ народъ болѣе развитый,

чѣмъ турки, армяне успѣли извлечь за время соприкосновенія съ нашими войсками несравненно болѣе матеріальныхъ выгодъ, чѣмъ турки, особенно нѣкоторые городскіе торговцы, для которыхъ матеріальныя выгоды заглушали всѣ иные поводы къ сочувствію русскимъ. Безсильные турки, разумѣется, раздражались торжествомъ армянъ и втихомолку, особенно съ приближеніемъ времени нашего удаленія, грозили мщеніемъ. Понятно, при такомъ положеніи дѣлъ, одинъ слухъ о возвращеніи въ край турецкихъ властей могъ подѣйствовать панически на армянъ. Легко можно было предвидѣть, что въ мѣстностяхъ, которымъ придется, при окончательномъ заключеніи мира, остаться за Турціею, между армянами возникнутъ движенія къ переселенію въ предѣлы Россіи. Недостатокъ свободныхъ земель и другія причины вынуждали всѣми мѣрами отстранять это движеніе, но такъ, чтобы армянскій народъ не усмотрѣлъ въ этомъ оставленіе его на жертву туркамъ. Совладать съ этимъ дѣломъ была трудная задача. Лишь только пройдетъ въ народѣ слухъ о возможности нашего ухода, ко мнѣ явятся со всѣхъ сторонъ массы армянъ, съ просьбами разрѣшить имъ переселеніе. Съ самаго начала занятія края пришлось принимать мѣры къ предотвращенію безпорядочнаго передвиженія народныхъ массъ, всегда влекущаго за собою страшныя бѣдствія. Въ этомъ отношеніи наибольшую помощь оказали мнѣ мѣстные епископы, особенно грегорианскій, Арютюнъ. Благодаря старанію ихъ и нѣкоторыхъ эрзерумскихъ почетныхъ армянъ, до дня полученія извѣстія о сдачѣ Батума всѣ безпрестанно повторявшіяся то тамъ, то здѣсь вспышки къ переселенію утихали.

Греки поступали не такъ, какъ армяне; единовѣріе съ нами не подвинуло ихъ къ увлеченію. Они выказали намъ отсутствіе вражды, но едва ли показали сочувствія болѣе, чѣмъ туркамъ. Ни одинъ грекъ, за все время нахожденія Эрзерума подъ русскою властью, не озлобился противъ себя ни одного турка, и ни одинъ грекъ не подалъ серьезнаго и справедливаго повода къ негодованію на него русскихъ. Если греки заводили рѣчь о переселеніи, то предварительно спрашивали: какіе имъ правительствомъ выдастъ пособія?

Курды держали себя какъ всегда: индифферентными и къ турецкому и къ русскому владычеству, врагами тѣхъ административныхъ лицъ, отъ которыхъ слышать воспрещеніе разбоевъ. Нѣкоторые курдскіе старшины, пока пользовались обильными наградами, дѣйствовали энергично и полезно въ интересахъ нашихъ властей.

IV.

Очищеніе Эрзерума и занятой позиціи.

При такомъ положеніи дѣлъ была получена мною приведенная въ началѣ предъидущей главы депеша о приготовленіи Эрзерума и его края къ сдачѣ; а спустя нѣсколько дней, именно 27-го августа, другая депеша, о передачѣ города и края отоманскимъ властямъ, по случаю окончателнаго вступленія нашихъ войскъ въ Батумъ 25-го августа.

Всѣхъ состоявшихъ на нашей службѣ турецко-подданныхъ въ разныхъ административныхъ должностяхъ, также членами меджлисовъ и заштіевъ, разрѣшено удовлетворить денежнымъ содержаніемъ по 16-е сентября, т. е. за нѣсколько дней послѣ предстоявшаго увольненія ихъ, чтобы съ нашей стороны была скорѣе переплата, чѣмъ недоплата.

Десятинный сборъ съ селеній, отходящихъ къ Турціи, вѣрно тотчасъ же остановить. Въ Эрзерумѣ, Гассанъ-калѣ, Хоросанѣ мы успѣли собрать въ интендантскіе склады, въ общей сложности, до 100,000 пудовъ сѣна, которое уже начали отпускать для довольствія войскъ; прочіе же продукты, т. е. зерно, пока еще не поступало. Часть сѣна изъ Хоросана перевезена въ нашъ ближайшій складъ въ Караурганѣ; остальное, что осталось неизрасходованнымъ, приказано сдать турецкимъ властямъ бесплатно.

По сообщенному мнѣ росписанію выступленія нашихъ войскъ изъ подъ Эрзерума, первый эшелонъ долженъ былъ выдти 1-го, а послѣдній 7-го сентября. Почтовые станціи приказано снимать съ проходомъ послѣдняго эшелона; а телеграфную линію до Эрзерума временно сохранить, и въ Эрзерумѣ (временно) оставлена станція съ уменьшеннымъ числомъ чиновъ, а промежуточныя станціи (Гассанъ-кала, Зарсъ, Зивиянъ) сняты. Я получилъ отъ начальника полевого телеграфа депешу, приглашающую меня предложить туркамъ купить нашу линію, подобно тому, какъ наше правительство уже купило батумскую. Начальникъ турецкаго телеграфа возразилъ мнѣ на это, что еще неизвѣстно, будетъ ли существовать международное сообщеніе Эрзерумъ Карсъ, такъ какъ до войны линіи Карсъ-Александрополь не существовало; что если и будетъ, то, вѣроятно, на Ольту, такъ какъ чрезъ Соганлугъ, зимою, поддержаніе ли-

ни къ исправности требуетъ невѣроятныхъ усилій, и что во всякомъ случаѣ ему извѣстно, что матеріалы нашей военной линіи, строившейся наскоро, зимою, весьма малоцѣнны; тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ соответствующій запросъ константинопольскому начальству, отъ котораго до дня нашего ухода изъ Эрзерума не имѣлъ отвѣта.

Состоявшую въ моемъ распоряженіи конно-иррегулярную сотню (она была разбита командами при всѣхъ окружныхъ начальникахъ для мѣстной полицейской службы, преимущественно изъ туземцевъ) ведѣно къ 16-му сентября распустить. Эта сотня, составленная на случай возобновленія войны изъ охотниковъ, тяготилась мирнымъ временемъ; ея всадниковъ неоднократно приходилось укрощать отъ буйства и въ дѣлѣ полицейскаго надзора она почти не приносила никакой пользы.

Первымъ распоряженіемъ моимъ была передача туркамъ складовъ ихъ военного имущества. Склады были почти въ 40 мѣстахъ: въ четырехъ большихъ и 33 малыхъ пороховыхъ погребахъ хранились миліоны разныхъ системъ патроновъ, громадное количество пороха въ бочкахъ, въ зарядахъ, снаряженные и неснаряженные снаряды; въ нѣсколькихъ городскихъ складахъ были тысячи ружей, холодное оружіе, артиллерійскія принадлежности и разныя подобныя вещи, составлявшія вмѣстѣ съ 135 орудіями имущество весьма цѣнное, уничтоженіе котораго, въ случаѣ возобновленія войны, оказалось бы для турокъ очень чувствительнымъ. Возвращеніе складовъ произошло въ нѣсколько дней: ихъ принимала комисія изъ турецкихъ офицеровъ, бывшихъ въ Эрзерумѣ на-лицо; по большей части провѣрялись только цѣлость печатей и наши часовые смѣнялись турками.

Казенныя зданія, которыхъ здѣсь болѣе, чѣмъ въ Тифлисѣ, и крѣпостныя верки нами вовсе не принимались: ихъ, при оставленіи Эрзерума, турки бросили, поломавъ во многихъ мѣстахъ каминныя, печныя трубы, двери, оконныя рамы, даже полы. Теперь они находились почти въ томъ же видѣ, но нѣкоторыя, гдѣ помѣщались наши больные, были дезинфицированы, побѣлены и отлично исправлены. Разумѣется, это послѣднее приходилось оставить туркамъ въ подарокъ.

Отдавая приказъ по области о порядкѣ передачи города и края, я былъ нѣсколько затрудненъ указаніемъ подробностей новой границы. По берлинскому трактату, напримѣръ, между сел. Меджингертъ и горою Кесса-дагъ, граница должна идти прямою линіею; но прямая линія разрѣзываетъ селенія и ихъ земли пополамъ. Пришлось указать приблизительную границу, по возможности, удобную, слѣдующимъ образомъ: отъ сел. Киличъ на Чорухѣ (остающагося за Турціею) по водораздѣльному хребту между Тортумъ чаемъ съ одной стороны и Ольты-чаемъ съ дру

гой, до хребта Сиври-дагъ, потомъ къ востоку по этому хребту до селенія Нариманъ; затѣмъ, по рѣкамъ Пенякъ-чай и Бардузъ-чай на селеніе Караурганъ; причемъ селенія: Бардузъ, Еныкевъ и Караурганъ съ ихъ землями остаются за нами. Далѣе, придерживаясь прямому направленію на гору Кесса-дагъ, причемъ впредь до окончательнаго указанія границы особыми комисіями, крайними нашими селеніями приняты: на лѣвомъ берегу Аракса—Меджингертъ, а на правомъ селенія, лежація по бассейну рѣчки Пирвали, именно: Пирвали, Арпачай, Магараджикъ и Кара-килиса. Такимъ образомъ, округи Эрзерумскій и Гассанъ-кальскій отходили къ Турціи сполна, а Хоросанскій и Ольтинскій — раздѣлялись на двѣ части. Странно было видѣть членовъ меджлисовъ, запіевъ и мудировъ этихъ округовъ въ дни распаденія ихъ управленій на два государства.

Муширъ Измаиль-паша, при полученіи отъ меня депеши отъ 28-го августа о высылкѣ въ Эрзерумъ лицъ и войскъ для приѣма города и края, еще не имѣлъ соотвѣствующихъ приказаній отъ Порты; тѣмъ не менѣе, на другой же день, 29-го, отвѣтилъ, что всѣ распоряженія имъ по сему предмету сдѣланы.

Мною заблаговременно было донесено о необходимости не оставлять Эрзерумъ ни часа безъ представителей русской власти. Оказалось, что здѣсь предположено имѣть послѣ войны генеральнаго консула, до прибытія котораго разрѣшено оставить въ этой должности хорошо изучившаго край и его жителей, маіора Камсаракана, нашего эрзерумскаго полиціе-мейстера, съ нѣсколькими чинами изъ состава моей канцеляріи.

Вѣсть о выступленіи русскихъ изъ Эрзерума повергла здѣшнихъ армянъ въ отчаяніе. Они тогда только начали вѣрить въ возможность возвращенія турокъ, когда увидѣли потянувшіяся черезъ городъ повозки нашего дивизіоннаго лазарета съ больными и всѣмъ лазаретнымъ имуществомъ; но за то, повѣривъ, упали духомъ. Мусульмане, напротивъ, въ послѣдніе дни, безпрестанно втихомолку, стращали и пугали армянъ близостью времени торжества и мести мусульманъ. Страхъ съ одной стороны и страсть съ другой разрослись до того, что ничтожная случайность могла вызвать общее безпокойство.

30-го августа, въ день тезоименитства Государа Императора, передъ русскимъ лагеремъ, начальникомъ войскъ, генералъ-лейтенантомъ Шереметевымъ, произведенъ, послѣ молебна, общій парадъ, за которымъ слѣдовалъ торжественный обѣдъ въ 154-мъ пѣхотномъ Дербентскомъ полку, праздновавшемъ въ этотъ день свой полковой праздникъ. На смотръ и обѣдъ были приглашены почетнѣйшіе жители города. И на смотру и на обѣдѣ многое, во-очію, убѣдило ихъ, а черезъ нихъ разнеслось по городу, что уходъ русскихъ есть безповоротная дѣйствительность.

Какъ будто нарочно, въ ночь съ 30-го по 31-е августа случилось происшествіе. Нѣсколько мусульманъ, отпраздновавъ черезъ край свой рамазанъ, отправились въ одинъ армянскій домъ, гдѣ, въ присутствіи мужа, ими связаннаго и избитаго, учинили безчинства съ его женою. Потомъ оказалось, что сами пострадавшіе хозяева небезпричинны въ этомъ; но въ то время изложенное происшествіе представилось армянамъ какъ начало мести противъ нихъ мусульманъ. Въ эту же ночь и наканунѣ случились два нападенія мусульманъ на армянъ въ окрестностяхъ города, какъ оказалось потомъ, съ цѣлю неудавшагося грабежа. Съ ранняго утра весь городъ закипѣлъ. Тысячи армянъ густыми толпами ходили по улицамъ. Направившись, прежде всего, къ своему епископу, они заявляли ему о возрастаніи наглыхъ угрозъ турокъ и безвыходности своего положенія послѣ выхода русскихъ, не слыша доселѣ ни о какихъ гарантіяхъ европейскихъ державъ и не вѣря въ намѣренія и силу турецкихъ властей обезпечить ихъ спокойствіе. Епископъ съ почетными жителями отправились черезъ весь городъ ко мнѣ, улицы вокругъ моего дома запрудились народомъ. Первымъ успокоеніемъ послужило заявленіе, что я и русскія войска не покинемъ города, пока на глазахъ моихъ турецкія власти и ихъ войска не примутъ всѣхъ мѣръ для сохраненія въ городѣ строгаго порядка; бѣдные армяне со страху думали, что мы бросимъ городъ и край и удалимся, не дожидаясь прибытія смѣны. Тутъ же, по соглашенію съ генераломъ Шереметевымъ, сдѣланы распоряженія объ усиленіи развѣздовъ, патрулей, введѣ на городскія площади сверхъ карауловъ днемъ одного, ночью двухъ баталіоновъ; телеграфировано мною Измаилу-пашѣ объ ускореніи высылки приемщика края и турецкихъ войскъ, разрѣшено армянскому народному совѣту телеграфировать о своихъ нуждахъ въ Эрзингянъ и Константинополь; телеграмою потребовано отъ Измаила-паши преподаніе строжайшихъ указаній здѣшнимъ мусульманамъ черезъ ихъ духовенство, приняты тѣя же мѣры чрезъ Али-эфенди-Арабъ-заде. Епископъ съ народными представителями едва не были заматы толпою, дошедшею чуть не до паники. Среди толпы слышались голоса, призывавшія народъ къ самозащитѣ оружіемъ. Стоило въ эту критическую минуту толпѣ увидѣть передъ собою какую нибудь силу и, раздраженная, она бросилась бы сама къ силѣ. Нашею полиціею, напротивъ, дано народу успокоиться, и чрезъ нѣсколько времени онъ самъ сталъ расходиться, безъ всякихъ происшествій повинуваясь приказаніямъ нашихъ полицейскихъ властей. Мною, комендантомъ и другими лицами объявлялось жителямъ, что усиленнымъ развѣздамъ приказано впредь разгонять уличныя сборища и, въ случаѣ неповиновенія, виновныхъ арестовывать. Городъ сталъ

успокаиваться, хотя магазины и лавки и на другой день не были открыты; но за то беспокойство отовзалось въ деревняхъ. Изъ селеній массаи стали являться депутаты съ просьбами отпустить ихъ въ Россію; и епископамъ и мнѣ стоило большихъ усилій успокаивать ихъ.

Генералъ-лейтенантъ Лазаревъ, постоянно слѣдя за дѣломъ переселенія, выслалъ мнѣ для распространенія среди армянскаго населенія прокламацію, на русскомъ и армянскомъ языкахъ, которая была тогда же отлитографирована и чрезъ окружныхъ начальниковъ и епископовъ выпущена въ числѣ 500 экземпляровъ (¹).

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Лазаревъ отправилъ муширу Измаилу-пашѣ двѣ телеграммы, прося его принять самыя энергическія мѣры къ

(¹) Вотъ текстъ этой прокламаціи: «Армянскому народу Эрзерума и его провинцій! Дошло до моего свѣдѣнія, что христіанскіе жители Эрзерума и прилежащихъ къ нему мѣстностей, оставляемыхъ въ скоромъ времени нашими войсками, согласно договора, заключеннаго между русскимъ и турецкимъ правительствами, беспокоятся о своемъ будущемъ положеніи и тревожатся даже о своей судьбѣ.

«Будучи поставленъ на высокій постъ главнаго начальника края, я имѣю положительныя данныя, преподанныя мнѣ свыше, что послѣ удаленія подчиненныхъ мнѣ войскъ, никто не нарушитъ вашего спокойствія и ничто не коснется васъ для измѣненія вашего положенія къ худшему. Если среди васъ появляются неблагонамѣренные люди, которые изъ личныхъ, корыстныхъ видовъ или по другимъ побужденіямъ, распространяютъ возмутительныя и тревожныя слухи, стараясь убѣдить васъ въ неизбежныхъ предстоящихъ вамъ притѣсненіяхъ, то удалите ихъ отъ себя, представляйте ихъ законнымъ властямъ и оставьте въ увѣренности достигнуть вполне мирной жизни, не пытаясь переселяться изъ мѣстъ, гдѣ находятся могилы вашихъ предковъ, гдѣ живутъ ваши семейства; не покидайте мѣсть, съ обладаніемъ которыхъ связано ваше матеріальное благосостояніе. Всякое переселеніе сопряжено съ большими лишеніями и невзгодами, а тѣмъ болѣе переходъ въ наши предѣлы—въ страну вамъ еще незнакомую, гдѣ во всякомъ случаѣ, ожидаетъ васъ неизвѣстное будущее. Вѣрьте, что участіе къ вамъ, обнаруживаемое державнымъ нашимъ Императоромъ и его народомъ, одинаково раздѣляется другими государствами Европы, подписавшими берлинскій трактатъ, и правительство отоманской имперіи, не сомнѣваюсь, съ полною охотою приметъ на себя всѣ обязанности, лежащія на немъ въ отношеніи васъ, одинаково какъ и въ отношеніи всѣхъ другихъ подданныхъ, и принимаемая имъ мѣры будутъ направлены къ тому, чтобы гарантировать вамъ какъ имущественную, такъ и полную личную безопасность.

«Въ бытность въ Эрзерумѣ я высказывался въ томъ же смыслѣ вашимъ представителямъ и, будучи глубоко убѣжденъ въ искренности намѣреній турецкаго правительства и прочности участія, которое вы встрѣчаете повсюду, вновь подтверждаю полную для васъ необходимость подчиниться законнымъ властямъ вашего правительства и видѣть въ немъ полную для себя опору. Если дѣла позволятъ мнѣ, то я еще разъ побываю въ Эрзерумѣ и лично повторю вамъ все то, что теперь объявляю въ этой прокламаціи. Въ заключеніе я выражаю надежду, что вы съ полною увѣренностью въ справедливость всего вышеизложеннаго, будете держаться настоящаго моего къ вамъ воззвѣщенія.»

успокоенію христіанскаго населенія края ⁽¹⁾, и надо отдать справедливость муширу, что онъ, не медля, дѣлалъ все, что могъ.

«Взаимная защита правъ подданныхъ двухъ державъ составляетъ

(1) «Военный губернаторъ Эрзерума донесъ мнѣ, писалъ генералъ Лазаревъ муширу отъ 31-го августа, что минувшею ночью нѣсколько турокъ зашли въ домъ армянской семьи, ограбили ее, одного ранили и изнасиловали женщину; а сегодня поутру турокъ ранилъ армянина, возражавшаго на все ваше христіанамъ. Напуганный народъ огромною толпою въ нѣсколько тысячъ собрался къ архіепископу, заявляя ему о возрастаніи угрозъ турокъ и безвыходности своего положенія. Предписавъ генералу Духовскому принять чрезвычайныя мѣры до послѣдней минуты пребыванія властей нашихъ въ Эрзерумъ, къ сохраненію порядка въ городѣ и огражденію имущественной и личной безопасности каждаго, я обращаюсь также съ просьбою къ вашему высокопревосходительству не отказывать съ своей стороны употребить всевозможныя мѣры и все ваше нравственное вліяніе къ успокоенію и огражденію христіанскаго населенія. Я вполне увѣренъ, муширъ, что пользуясь глубокимъ уваженіемъ въ народѣ и войскѣ и облеченный довѣріемъ и обширною властью его величества султана, вамъ легко будетъ сдерживать порывы страстей массы мусульманъ и водворить въ христіанхъ полное убѣжденіе къ силѣ, справедливости и отеческомъ покровительствѣ отоманскаго правительства для всѣхъ и каждаго. Изъ моей прокламаціи армянскому народу извѣстите усмотрѣть, съ какимъ убѣжденіемъ и полною вѣрою я смотрю въ будущее на судьбы христіанскаго населенія подъ згидою власти отоманскаго правительства, а потому смѣю думать, что ваше высокопревосходительство отнесется къ моему заявленію съ полнымъ вниманіемъ и примете участіе въ христіанскомъ населеніи. О распоряженіяхъ вашихъ благоволите меня извѣстить для доклада Его Высочеству Великому Князю.»

Во второй телеграммѣ отъ 1-го сентября генералъ Лазаревъ писалъ: «Вчера, муширъ, я телеграммой просилъ васъ о принятіи мѣръ къ огражденію личной и имущественной безопасности христіанъ; сегодня же получилъ депешу отъ армянскаго общества, что оно находится въ страхѣ, не видитъ покровительства отъ отоманскихъ властей и въ случаѣ насилій готово броситься въ наши предѣлы. Переселеніе армянъ изъ Алашкерта уже началось изъ боязни курдовъ. Примѣру ихъ начинаютъ слѣдовать частью и хоросанскіе христіане. Муширъ, вы знаете, что я лично, а также по инструкціямъ, полученнымъ мною отъ Намѣстника Государя Императора, употребилъ все мое нравственное вліяніе къ удержанію армянскаго народа на мѣстахъ, увѣряя ихъ честнымъ словомъ, что лучшая для нихъ защита и гарантія есть полное довѣріе и безусловная покорность отоманскимъ властямъ. Муширъ, я вполне убѣжденъ, что вы раздѣляете мой взглядъ и что не оставите принять экстренныя и энергичныя мѣры къ успокоенію армянскаго населенія и тѣмъ прекратите ихъ напряженное состояніе и заставите ихъ спокойно оставаться на мѣстахъ и заниматься мирными трудами. Васъ не нужно увѣрять, что мнѣ стоитъ сказать слово: «переселяйтесь въ наши предѣлы» и у васъ могутъ опустѣть провинціи, населенныя христіанами; но, будучи до глубины души доброжелателемъ армянскаго народа и зная съ какими лишениями и жертвами сопровождаются переселенія въ огромныхъ массахъ, имѣя положительныя приказанія Его Высочества Государя Великаго Князя, я убѣждаю васъ, уважаемый муширъ, отнестись къ этому дѣлу съ полнымъ вниманіемъ, и васъ будутъ благословлять народы, которые подъ рукою сильной и справедливой власти обрѣтутъ спокойствіе и будутъ пользоваться безопасно плодами трудовъ своихъ. О принятыхъ вами мѣрахъ къ предупрежденію переселенія благоволите меня извѣдомить.»

священный долгъ ихъ властей, отвѣчалъ Измаиль-паша въ депешѣ отъ 2-го сентября. Посему, спѣшу заявить вамъ мою чувствительную благодарность за ваши попеченія о народѣ. Въ виду свѣдѣній, еще прежде мною полученныхъ о безпорядкахъ въ Эрзерумѣ, я распорядился отправкою отсюда ферики Муса-паши, а изъ гражданскихъ гаджи Гусейна-пашу, съ другими чинами и жандармами. Туда же готовятся къ выступленію войска изъ Вана. Ради возстановленія порядка, я намѣренъ лично посѣщать вышеозначенныя мѣста.»

«Телеграму вашего превосходительства, отъ 1-го сентября, получивъ, отвѣчалъ муширь въ другой депешѣ, отъ того же числа. Чрезмѣрно благодаренъ за заботы ваши о будущей и настоящей судьбѣ христіанъ. Для огражденія ихъ правъ мною сдѣлано все что слѣдуетъ, и надѣюсь, съ Божьею помощію, оправдать ваши ожиданія.»

Еще прежде онъ телеграфировалъ въ Эрзерумъ Али-эфенди-Арабъ-заде и старшему изъ военныхъ майору Зуфти-эфенди, о принятіи ими всѣхъ мѣръ для воздержанія мусульманъ. Затѣмъ, муширь далъ мнѣ знать, что вслѣдствіе особаго приказанія Порты, въ Эрзерумѣ отправляется изъ Эрзингяна начальникъ штаба IV анатолійскаго корпуса ферикъ Муса-паша, съ полномочіями, въ случаѣ малѣйшаго неповиновенія мусульманъ, по отношенію къ сохраненію порядка, казнить ихъ смертію; съ страдомъ же войскъ и для принятія гражданскаго управленія назначенъ вали-бекиль вилаэта, гаджи Гусейнъ-паша.

Послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, встревоженное армянское населеніе, повидимому, успокоилось, равно притихли со своими угрозами и мусульмане; всѣ магазины, лавки и базары открылись. Но на дѣлѣ обѣ стороны населенія все время были въ крайне напряженномъ состояніи, при которомъ малая искра легко могла обратиться въ пожаръ. Надо было опасаться появленія такой искры.

Усиленные караулы, патрули и разъѣзды продолжались до выхода изъ города послѣдняго русскаго солдата. На болѣе людныхъ площадяхъ и перекресткахъ стояли взводы особо вводимыхъ въ городъ частей войскъ. Для того, чтобы такой большой служебный нарядъ не слишкомъ утомилъ войска, выступленіе послѣдняго эшелона задержано до 7-го сентября.

Успокоилось и сельское населеніе, особенно послѣ того, какъ вѣскольکو поднявшихся было въ разныхъ мѣстахъ на переселеніе транспортвъ остановлено лицами, посланными отъ армянскаго епископа. Послѣ такихъ мѣръ можно было надѣяться, что переселенія цѣлыхъ народныхъ массъ не будетъ; но избавиться совершенно отъ прибытія въ

наши предѣлы переселенцевъ, отдѣльными селеніями, секретно, иногда по ночамъ, было невозможно.

Наконецъ 5-го сентября, по утру, вали-бекиль, гаджи Гусейнъ-паша, съ однимъ эскадрономъ суварі, прибылъ въ Эрзерумъ. Приѣздъ его былъ мало замѣтенъ въ городѣ, и изъ русскихъ властей его встрѣтилъ городской полиціймейстеръ. Черезъ часъ по прибытіи Гусейнъ-паша былъ у меня и мы условились завтра передать городъ и Эрзерумскую равнину (нашъ Эрзерумскій округъ) съ тѣмъ, чтобы караулы смѣнялись 7-го, ибо Муса-паша съ войсками раньше не прибудетъ. Я пытался пригласить къ себѣ вечеромъ Гусейна и другихъ турокъ на вечерній обѣдъ, но престарѣлый, съ апатичнымъ видомъ и оловянными глазами, неповоротливый ни тѣломъ, ни умомъ, турокъ—извинялся, ссылаясь на нездоровье, на рамазанъ и обѣдъ разстроился.

6-го сентября наше управленіе городомъ Эрзерумомъ и Эрзерумскимъ округомъ перестало дѣйствовать: полиція, меджлисы, городская тюрьма сданы туркамъ. Въ этотъ же день изъ форта Кереметли и изъ цитадели, гдѣ стояло по баталіону бакинцевъ, войска выведены и весь Бакинскій полкъ сосредоточился въ лагерь, въ чертѣ города. Въ этотъ же день составленъ и подписанъ обѣими сторонами актъ о возвращеніи туркамъ всего находившагося подъ нашимъ секвестромъ ихъ военного имущества въ такомъ же видѣ, въ какомъ оно было принято.

6-го же сентября, почти цѣлый день, квартиру мою осаждали различные депутаціи и отдѣльныя личности, служившія намъ, и частныя лица, съ епископами во главѣ, съ выраженіемъ благодарности за время нашего управленія краемъ, а христіане и съ выраженіемъ сожалѣнія о нашемъ уходѣ и опасенія за свою будущую судьбу. Видно было, что народъ переживалъ весьма чувствительную для него минуту.

7-го сентября, ферики Муса-паша, въ 11 часовъ утра, съ двумя баталіонами пѣхоты, батареею и тремя эскадронами суварі вступилъ въ городъ. Онъ встрѣченъ былъ за городомъ нашимъ комендантомъ полковникомъ Казбекомъ съ эскадрономъ тверскихъ драгунъ, при хорѣ трубачей, а у квартиры—почетнымъ карауломъ 153-го пѣхотнаго Бакинскаго полка. Массы народа съ утра двинулись къ Трапезонтскимъ воротамъ (*); по пути въ городъ крыши домовъ наполнились мужчинами и женщинами, преимущественно мусульманами, обратно тому, какъ было при торжественномъ въѣздѣ въ Эрзерумъ генерала Лазарева, 30-го мая. Тогда толпы христіанъ кричали «ура», всюду слышна была зурна; теперь толпа мусульманъ по своимъ обычаямъ была почти безмолвна.

(*) См. приложенный при семъ планъ г. Эрзерума.

Только городскіе улемы, шедшіе толпою впереди войскъ, со своимъ священнымъ знаменемъ, а потомъ ученики мусульманскихъ школъ, съ кораномъ на головѣ одного изъ нихъ, пѣли свои молитвы. Турецкія войска, выбранныя изъ лучшихъ по составу и снаряженію, стройно съ музыкою шли по улицамъ, отдавая честь, когда проходили мимо нашихъ высшихъ начальниковъ; за войсками тянулся обозъ, среди коего шесть—семь повозокъ съ гаремами командировъ. Муса паша (Кундуховъ), отлично говорящій по-русски, старался быть сколько возможно любезнѣе съ русскими. Послѣ прибытія и молитвы въ главной мечети, онъ сдѣлалъ визиты генералу Шереметеву, мѣ и еще нѣсколькимъ лицамъ изъ русскихъ; мы, конечно, въ тотъ же день посѣтили его.

По предварительному условію, турецкія войска, тотчасъ по вступленіи въ городъ, стали смѣнять наши караулы, а затѣмъ всѣ наши административныя лица выѣхали изъ города въ лагерь, и къ 5 часамъ по полудни, 7-го сентября, Эрзерумъ сталъ снова турецкимъ городомъ.

Вечеромъ, въ тотъ же день, Али-эфенди Арабъ-заде, отъ имени городского населенія, далъ большой обѣдъ русскимъ и турецкимъ властямъ. Изъ нашихъ были приглашены всѣ начальники частей, изъ турокъ—только Муса-паша, Махмедъ-Али-бей, Антуакъ-эфенди. Обѣдъ былъ съ музыкою, сервированъ по европейски и состоялъ изъ 15 отлично приготовленныхъ блюдъ.

8-го сентября, въ 8 часовъ утра, послѣдній эшелонъ русскихъ войскъ (Бакинскій полкъ, 1-я батарея 39-й артилерійской бригады, Тверскіе драгуны, Кубанскій и Ейскій казачьи полки, 5-я конная Кубанская батарея, 8-я рота Кавказскаго осаднаго парка) и всѣ чины русскаго управленія краемъ, послѣ молебна, съ орудійнымъ салютомъ, около Карскихъ воротъ Эрзерумской крѣпости, по случаю рожденія Ея Высочества Великой Княгини Ольги Θεодоровны, выступили по пути на Гасанкала. Для отдачіи намъ чести баталіонъ турецкихъ войскъ былъ выстроенъ вдоль дороги, съ хоромъ музыки. Высшія турецкія власи, имѣя во главѣ Муса-пашу, проводили войска. Нѣсколько сотъ мусульманъ любопытствовали посмотреть на выступленіе нашихъ войскъ. Христіанъ, изъ боязни турокъ, почти не было видно. Въ городѣ и краѣ было совершенно покойно.

Такъ простились мы съ Эрзерумомъ, въ которомъ пробыли ровно 7 мѣсяцевъ.

Въ отвѣтъ на депешу, посланную тотчасъ по выступленіи въ путь послѣдняго эшелона Его Императорскому Высочеству Главнокомандующему, съ извѣстіемъ о совершившемся и поздравленіемъ съ вы-

сокодержавнымъ днемъ, я, на другой день, на почлегѣ въ селеніи Зарѣ, удостоился получить отъ Его Высочества отвѣтъ слѣдующаго содержания: «Очень благодарны за поздравленіе, спасибо отъ души и вамъ и всѣмъ чинамъ, за вполне добросовѣстную службу. Радуюсь, что передача Эрзерума окончилась столь благополучно».

Теперь мнѣ остается упомянуть лишь о двухъ обстоятельствахъ: 1) о томъ, какъ всѣ наши старанія объ отвращеніи народнаго переселенія чуть было не пропали даромъ, изъ за хода дѣлъ въ Алашкертѣ, и 2) какія мѣры приняты для обезпеченія нѣкоторыхъ частныхъ, касающихся мѣстныхъ христіанъ, вопросовъ, послѣ нашего выхода.

2-го сентября, армяно-католическій епископъ предъявилъ мнѣ донесеніе къ нему священника изъ сел. Молла-Сулейманъ, изъ котораго видно, что въ Алашкертскомъ и Баязетскомъ округахъ, подчиненныхъ начальнику Эриванскаго отряда, желающимъ армянамъ официально предоставлено покидать мѣста своего жительства, переходя въ предѣлы Россіи. Епископъ передалъ мнѣ удивленіе и народа, какъ можетъ имѣть мѣсто такое рѣзкое противорѣчіе въ рѣшеніи одного и того же вопроса властями одного государства.

Въ то же время начальникъ Хорасанскаго округа далъ знать, что большое число семействъ алашкертскихъ жителей уже явилось въ селенія праваго берега Аракса, и что ихъ примѣръ сбиваетъ съ толку жителей селеній Эрзерумской области, которые также начинаютъ слѣдовать заманчивому примѣру, вопреки всѣмъ убѣжденіямъ и приказаніямъ. Къ счастью, вскорѣ алашкертскіе жители удалены были внутрь Карсской области, а всѣ попытки другихъ остановлены успѣшно принятыми мѣрами.

Вообще, нельзя не сказать, что нашему семи-мѣсячному занятію гор. Эрзерума и десяти-мѣсячному — эрзерумскаго края удалось оставить по себѣ благопріятное воспоминаніе между жителями всѣхъ сословій, національностей и вѣроисповѣданій. Передъ оставленіемъ нами края, ихъ выраженіямъ признательности за справедливость, безпристрастіе и строгость къ нарушителямъ общественнаго порядка не было конца. Авторитетъ русскаго имени и сила русской власти достойно поддерживали себя и, можно быть увѣреннымъ, будутъ вспоминаться долгое время.

рик

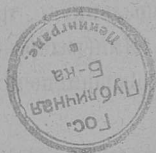
сокогоржественнымъ днемъ, я, на другой день, на почлегѣ въ селеніи Зарсѣ, удостоился получить отъ Его Высочества отвѣтъ слѣдующаго содержания: «Очень благодарны за поздравленіе, спасибо отъ души и вамъ и всѣмъ чинамъ, за исполнѣ добросовѣстную службу. Радуюсь, что передача Эрзерума окончилась столь благополучно».

Теперь мнѣ остается упомянуть лишь о двухъ обстоятельствахъ: 1) о томъ, какъ всѣ наши старанія объ отвращеніи народнаго переселенія чуть было не пропали даромъ, изъ за хода дѣлъ въ Алашкертѣ, и 2) какія мѣры приняты для обезпеченія нѣкоторыхъ частныхъ, касающихся мѣстныхъ христіанъ, вопросовъ, послѣ нашего выхода.

2-го сентября, армяно-католическій епископъ предъявилъ мнѣ донесеніе къ нему священника изъ сел. Молла-Сулейманъ, изъ котораго видно, что въ Алашкертскомъ и Баязетскомъ округахъ, подчиненныхъ начальнику Эриванскаго отряда, желающимъ армянамъ официально предоставлено покидать мѣста своего жительства, переходя въ предѣлы Россіи. Епископъ передалъ мнѣ удивленіе и народа, какъ можетъ имѣть мѣсто такое рѣзкое противорѣчіе въ рѣшеніи одного и того же вопроса властями одного государства.

Въ то же время начальникъ Хорасанскаго округа далъ знать, что большое число семействъ алашкертскихъ жителей уже явилось въ селенія праваго берега Аракса, и что ихъ примѣръ сбиваетъ съ толку жителей селеній Эрзерумской области, которые также начинаютъ слѣдовать заманчивому примѣру, вопреки всѣмъ убѣжденіямъ и приказаніямъ. Къ счастью, вскорѣ алашкертскіе жители удалены были внутрь Карсской области, а всѣ попытки другихъ остановлены успѣшно принятыми мѣрами.

Вообще, нельзя не сказать, что нашему семи-мѣсячному занятію гор. Эрзерума и десяти-мѣсячному — эрзерумскаго края удалось оставить по себѣ благопріятное воспоминаніе между жителями всѣхъ сословій, національностей и вѣроисповѣданій. Передъ оставленіемъ нами края, ихъ выраженіямъ признательности за справедливость, безпристрастіе и строгость къ нарушителямъ общественнаго порядка не было конца. Авторитетъ русскаго имени и сила русской власти достойно поддерживали себя и, можно быть увѣреннымъ, будутъ вспоминаться долгое время.

ВИДЪ ПАМЯТНИКА
Восточный фасадъ.

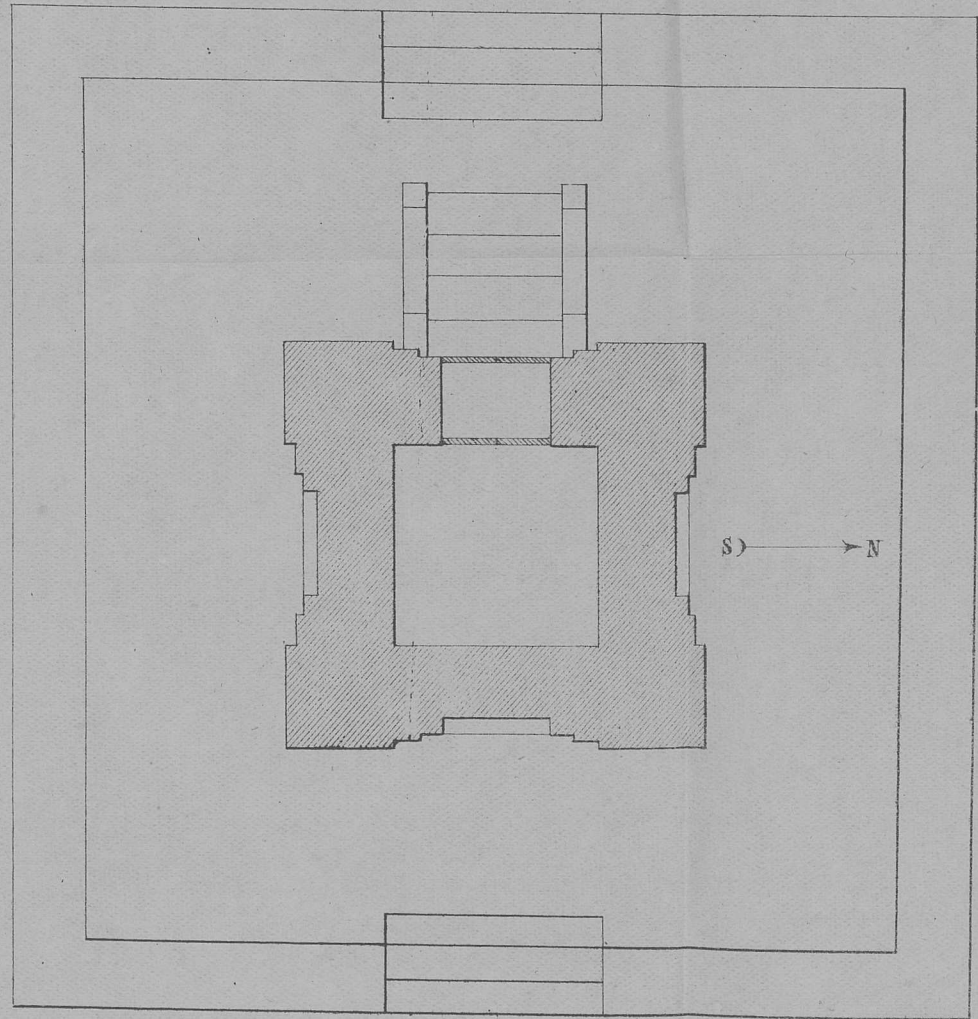
Масштабъ 2 арш. въ дюймъ.

Надписи на парапеты соборныхъ стѣнъ съ сторонъ:

съ Западной: Упокой Господи души,
съ Южной: Упокой души,
съ Восточной: За веру Царя и отечество,
съ Сѣверной: Живетъ свой положившихъ.

ПЛАНЪ ПАМЯТНИКА

Созданный въ Эрзерумѣ на городскихъ христіанскихъ кладбищахъ, русскими войсками, павшимъ въ время войны 1877-78 годовъ.

0 1 2 3 4 5 6 саж.

РНБ РУССКИЙ ФОНД

18.100.4.440